

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ПУЛЯ – ЛУЧШИЙ АНТИДОТ

Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Пуля – лучший антидот

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Пуля – лучший антидот / С. В. Самаров — «Автор»,
2010 — (Спецназ ГРУ)

Во время ликвидации бандформирования на Северном Кавказе войсковым спецназом были найдены разбитые ампулы с неизвестным содержимым. Некоторое время спустя пятеро бойцов, участвовавших в операции, тяжело заболели от неизвестной вирусной инфекции; выжил лишь один... Предполагается, что поставкой ампул с опасным вирусом занимается полевой командир Везирхан Дашаев. Группа спецназа ГРУ под командованием подполковника Гризадубова начинает секретную операцию по ликвидации всех, кто причастен к распространению смертельного бактериологического оружия...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	16
ГЛАВА ПЕРВАЯ	16
1	16
2	21
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
1	28
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Пуля – лучший антидот

ПРОЛОГ

Пули звенели, ударяясь в обшивку бронетранспортера, выбивали краску, оставляли легкие вмятины и рикошетили, с тонким свистом отлетая в стороны. Потом с лягушачьим кваканьем ударил выстрел из подствольного гранатомета. Попадание было прямым, но осколочная граната оставила на броне только след, намного больший в окружности, чем след пули, саму броню лишь проверив на прочность и почти не помяв ее. Бронетранспортер по-прежнему уверенно и неторопливо преодолевал развалины забора и кирпичного сарая, переезжая не только отдельные кирпичи, но и целые куски стен с непоколебимой уверенностью бронтозавра. Бронбойных гранат у обороняющихся не было, как не было и гранатомета для них. И это спасало нападающих, под прикрытием бронетехники подобранных к дому предельно близко...

– Делаю последнее предупреждение! – прохрипел голос в мегафоне. – Прекратите стрельбу и сложите оружие. Иначе все будете уничтожены...

В ответ из вентиляционных окон подвала раздалось четыре одновременных автоматных очереди. Ответ не показался двусмысленным.

– Все, парни, к вам в гости «валар»¹ пришла... Уничтожить их!..

Видимо, команда, которую трудно было бы разобрать в башне БТРа, была дана не только через мегафон, но и по связи. Автоматическая пушка с башни бронетранспортера отозвалась на приказ сразу, ударила несколькими выстрелами в одно из окон, затем во второе – точно, прицельно, сразу погасив две огневые точки, а заодно и выворотив кирпичи вокруг самих окон. В двух оставшихся окнах обороняющиеся среагировали быстро, спрятавшись внутри, но подствольные гранатометы ударили по этим окнам, и одна из гранат, видимо, влетела внутрь, выхлопами пыли показав, что творится после взрыва в подвале. Бойцы спецназа внутренних войск, поменявшие щегольские краповые береты на кевларовые каски, бросились на штурм, но их уже никто не встретил огнем. Сопротивление было жестко подавлено...

Тем не менее, приклады автоматов спецназовцев не отрывались от плеча, а указательные пальцы не снимались со спусковых крючков. Каждый из бойцов готов был в любое мгновение ответить очередью на любое движение в пылевом облаке, окутавшем полуразрушенный дом, будь то хоть тень убегающей кошки. Но даже тени кошки после такого обстрела не удалось бы выжить. В самом доме, грязные и пыльные настолько, что даже пятен крови от ранений видно на них не было, лежали три изуродованных трупа – двое мужчин и женщина. Все в камуфлированных костюмах, все рядом с оружием, что выпало из рук только в момент смерти. Из подвала подняли еще четыре трупа. Эти выглядели не лучше первых, только пылью еще полностью покрыться не успели, и потому крови на них было больше. Она даже стекала и капала на заваленный обломками кирпичей, штукатурки и кирпичной пылью пол.

И только после этого началась будничная и скучная работа по осмотру места происшествия. Прибывшая оперативная бригада следственного комитета сразу выпроваживать спецназовцев не стала – на случай, если потребуется что-то сдвинуть с места или перенести. Когда есть рядом крепкие парни, грех этим не пользоваться...

– А это еще что такое? – Один из следователей взял в руки две плоские картонные коробки, сильно деформированные и помятые, и из них посыпались осколки стекла. – Наркота, что ли?

¹ Валар (чеченск.) – смерть.

– Ампулы были... – сказал стоящий рядом спецназовец, снимающий надоевшую каску и приготовивший краповый берет. – Витамин «В»... Болезненные, кажется, уколы... Мне что-то такое кололи после ранения...

Следователь приподнял крышку верхней коробки. Внутри все было разделено на отделения, и в каждом отделении должна была храниться большая ампула. Но все они были разбиты, кроме одной. Следователь коробку опрокинул, высыпая осколки на пол; выпала и последняя ампула, разбилась, и по пыли, сворачивая в шарики мелкие частицы, растеклась круглая маленькая лужица, но тут же высохла, и сама пыль, где лужица была, словно бы запеклась. На какую-то секунду возник легкий незнакомый запах, но быстро выветрился. Да и в помещениях, где недавно рвались гранаты, запах стоит другой...

– А это, кстати, и не витамин «В»... – сказал спецназовец, присев на корточки, и посмотрел на следователя. – При мне в госпитале, помню, медсестра ампулу уронила и разбила. Лужица долго стояла. Осколки сначала собрали, чтобы руку не порезать, потом саму лужицу тряпкой вытирали. Здесь что-то эфирное... Испарилось сразу. Аммиаком, кажется, пахло...

Следователь зевнул и снова посмотрел на коробку. Этикетка все же утверждала, что в ампулах содержался витамин «В». Тогда он снял верхнюю коробку с нижней. Там, на самой коробке, вообще никакой этикетки не было, но ядовито-зеленым маркером в углу было написано: «Антидот». Внутри содержались ампулы меньшего размера. Из десяти целыми остались только четыре.

– Антидот – это... – начал спецназовец.

– Вообще-то антидот – это противоядие, – сказал следователь.

– Или нейтрализатор действия определенных сильных лекарственных препаратов, – заметил оказавшийся рядом другой спецназовец, глядя с высоты своих почти двух метров. – Когда человек от алкоголизма, например, лечится, делает «вшивку», а потом «заквасит», ему, чтоб не окочурился, срочным порядком вводят этот хренов антидот... Такая вот штука...

– Верю. Ты у нас знаток... – сказал первый спецназовец. – Тебе такую штуку вкалывали? Он показал товарищу одну из ампул. Ампула тонко звякнула под его пальцем.

– Я что, – проворчал спецназовец, – помню все, что мне вкалывали? Я в таком состоянии был, что тебя бы не узнал...

Обычно люди стесняются вслух говорить, что лечились или лечатся от алкоголизма. Этот говорил даже с гордостью.

Следователь, оценив откровенность спецназовца, отбросил первую коробку, пустую и бесполезную, но вторую оставил, чтобы приобщить к материалам уголовного дела. Потом можно будет разобраться, что является вещдоком, а что не является. После каждого осмотра места происшествия всякого хлама набирается ведро, и потом этот хлам выбрасывается. Но что-то выбросить раньше времени было, конечно, нельзя...

– Сколько, по вашим данным, у Дашаева людей осталось? – спросил следователь спецназовцев.

– Кто ж его знает... – сказал высокорослый алкоголик. – Думаю, сегодня состав по крайней мере уполовинили. Но он быстро себе новых находит. У него деньги зарабатывают. А где деньгами пахнет, эти, – последовал кивок на трупы, – спринтерами несутся...

– И его самого скоро накроем... Вместе с деньгами, – уверенно заявил второй спецназовец и тоже снял каску, чтобы сменить ее на краповый берет, как уже сделал его товарищ...

* * *

Первыми забили тревогу врачи «Скорой помощи». С характерными, но откровенно гипертрофированными признаками гриппа в один вечер было доставлено в больницу пять человек. У всех пяти присутствовала температура «за сорок», все жаловались на чрезвычай-

ную ломоту в суставах, крайнюю слабость, все чихали и кашляли почти не переставая, у всех ломило глаза так, что смотреть на окружающий мир было невозможно, и из глаз не переставая лились слезы. Но по осеннему сезону удивить кого-то и из врачей, и даже не из врачей, вспышкой эпидемии гриппа было сложно. Обычное и всем надоевшее явление, бороться с которым медицина не научилась, и учиться не желает, чтобы не потерять работу. И даже гипертрофированные симптомы, когда каждое из проявлений намного сильнее обычных начальных проявлений заболевания, никого сильно не взволновали. Врачей смутило другое. Из пятерых двое были следователями следственного комитета, трое представляли спецназ внутренних войск. Все пятеро были откомандированными из разных регионов России в регион Северного Кавказа, все жили в спецобщежитиях для сотрудников силовых структур. Правда, спецназовцы и сотрудники следственного комитета в общежитиях разных, и даже в разных концах города, но это сути не меняло.

Что-то во всем этом было противоестественное, искусственное, но трудно было понять, что именно. Хотя одно уже можно было оценивать как ненормальное. Еще утром ни один из них не болел. А обычный грипп, как известно каждому врачу, даже купившему свой диплом, не развивается со спринтерской скоростью дикого гепарда. И потому было сомнение... И начальник смены станции «Скорой помощи» даже специально обратился к главному врачу больницы, куда доставили больных, чтобы тот тоже задумался над таким явлением. Эти люди явно заразились из одного чрезвычайно мощного источника, и источник заражения требовалось срочно локализовать, чтобы избежать «цепной реакции».

Время было уже позднее, но начальник смены был с главврачом в отдаленных родственных отношениях, как и почти все, кто живет на Северном Кавказе и считается коренным населением, и потому не постеснялся позвонить ему прямо домой, чтобы забить тревогу – поначалу только легкую. Главный врач выслушал, согласился, поблагодарил, потом, долго не думая, позвонил в больницу дежурному врачу отделения, принявшему больных. Выложил аргументы и попросил расспросить всех пятерых о том, как они провели последние по крайней мере три дня и в каком пункте их пути могли пересечься. Этот пункт можно было бы взять за основу при поиске источника заражения. Там, в районе источника, следовало объявить карантин, чтобы не допустить распространения заразы в широком масштабе.

Вообще-то на вспышки эпидемий гриппа врачи обычно не обращают такого пристального внимания. По крайней мере, не обращали раньше. Но, в связи со всемирной истерикой, поднятой так называемым «свиным гриппом», можно своей оперативностью заработать себе хорошую репутацию даже в том случае, если здесь присутствует не «свиной», не «птичий», а самый простой и всем привычный – хоть «гонконгский», хоть «лондонский» или любой другой, как его ни назови. И потому, обычно равнодушные и неторопливые, в этот раз врачи засуетились.

Еще большая суета, вплоть до высшего руководства федерального округа, поднялась утром, когда обнаружилось, что четверо из госпитализированных умерли во сне, не дождавшись даже результатов анализов, которые собирались утром отправить в лабораторию. Те простейшие лекарства, которые, к удивлению самих врачей, все же нашлись в больнице, никакой помощи больным не оказали. А одновременная смерть четырех пациентов – случай экстраординарный для любой больницы. Уже через час складывалось такое впечатление, что на крыше больницы было установлено электронное табло, оповещавшее о случившемся, потому что через этот самый час о ЧП знали все в городе, и, как потом оказалось, не только в нем одном. Фраза «свиной грипп» висела в воздухе, тихо и нудно вибрировала на каждой улице сразу нескольких ближайших городов. Кто-то из умных людей подсуетился, и прямо на улицах к обеду уже начали продавать обыкновенные марлевые повязки по цене скафандров для космонавтов, обеспечивающих автономное многочасовое пребывание в открытом космосе. Купить самую марлю или какую-то похожую ткань в магазинах, чтобы приложить собственные руки к

делу и хоть как-то себя обезопасить, оказалось невозможным. Подходящие материалы были скуплены полностью сразу после открытия магазинов. Весь Северный Кавказ уже жил ожиданием большой беды, которая обрушилась на регион. И никто не знал, как с этой бедой, то есть с этим гриппом, бороться...

Но специальная межведомственная комиссия, состоящая и из представителей медицины, и из представителей местных и федеральных органов власти, и даже из ментов и военных, поскольку все пострадавшие были людьми в погонах, сразу же после своего создания собралась на заседание. Придумать название комиссии никто не смог. Назвали просто межведомственной, потому что входили в нее представители различных и чуждых друг другу ведомств. Она не была чрезвычайной, поскольку чрезвычайное положение никто пока не объявлял, и вообще этого слова сильно опасались, потому что все на подсознательном уровне помнили, что чрезвычайное положение связано с обязательным вводом войск на территорию. Комиссия не была какой-то узконаправленной, поскольку никто не знал направления поиска неведомой напасти. Она даже не была медицинской, ибо медиков в нее входило меньше, чем представителей других сторон. И вообще, она была создана, по большому счету, только потому, что в воздухе висела информация о «свином гриппе», так старательно разрекламированной средствами массовой информации, что люди начинали на улице за квартал обходить того, кто кашляет. Реклама, как известно, двигатель. Но не только торговли. И комиссии предстояло выяснить, что еще конкретно может двигать реклама...

Последними членами комиссии стали приехавшие прямо перед заседанием три молчаливых и внимательных человека, представляющих антитеррористический комитет России, – несмотря на то, что все трое носили гражданскую одежду и вовсе не походили на мужественных и решительных борцов с террористами. Эти трое пока даже вопросов не задавали, поскольку на вопросы никто из собравшихся ответить все равно не мог, не имея данных. Они просто слушали, о чем говорят, и что-то отмечали в блокнотах, тщательно прикрывая записи не только от посторонних, но и друг от друга. Режим секретности есть режим секретности, а в антитеррористический комитет, как известно, входят тоже представители разных ведомств...

* * *

Какая-то минимальная ясность – или даже не ясность, а отдаленный намек на нее – возникла только после обеда. Именно тогда удалось наконец поговорить с единственным из пострадавших, оставшимся в живых. Он впервые с момента поступления сумел чуть-чуть прийти в себя, чтобы ответить на вопросы. Хотя отвечал так, словно вопросы ему задавали во время сложной хирургической операции, проводимой без наркоза.

До этого еще ночью дежурному врачу отделения, получившему устный, но категоричный приказ главного врача больницы и сразу решившему этот приказ выполнить, ничего толкового услышать от больных не удалось, хотя он и пытался честно задать несколько вопросов. Состояние у больных было такое, что голова никак не хотела думать, а распухший от высокой температуры язык не желал шевелиться. Утром, как оказалось, уже и расспрашивать было, по сути дела, некого. Более того, неприятные, хотя еще и не совсем понятные симптомы почувствовали сам дежурный врач и две дежурные медсестры отделения. И имели неосторожность сказать об этом вслух. Тут уж боевая тревога, как ей и полагается, пролетела вихрем по всей больнице и зазвучала набатом даже на тех этажах, куда из злополучного отделения никто и никогда не заглядывал; все медики срочно нацепили на лица повязки, а кто-то и по две сразу – для более полной фильтрации. То же самое, словно было заранее расписано каким-то неведомым сценаристом, происходило и в соседних больничных корпусах. На больных, естественно, повязок припасено не было, а если и было, то они больным не достались – все медицинские работники, отправляясь домой после ночного дежурства, несли своим домочадцам по паре-тройке штук

про запас. Грозный призрак «свиного гриппа» заставлял сердца людей учащенно стучать, и все в первую очередь думали о безопасности своих родных и любимых. Из больницы, как из мощного ретранслятора, вести огненными стрелами полетели дальше, и были они почему-то самого разного характера.

Эти вести кое-кому сильно помогли. Компании операторов сотовой связи за одно утро получили трехмесячную выручку, поскольку разговоров по мобильным телефонам велось много, говорили подолгу и со всеми, с кем только можно было поговорить. Ради такого дела денег не жалели. Люди обменивались новостями и сплетнями, предупреждали друг друга, и друг от друга узнавали, что число погибших от молниеносной страшной эпидемии уже исчисляется десятками, хотя в действительности в больницу кроме первых пятерых поступил пока только один человек с не гарантированно похожими симптомами. Естественно, все учитывали, что передавать и узнавать новости по телефону было несравненно безопаснее, чем при личном общении где-то в толпе. И потому трубки мобильников казались спасением, а операторы сотовой связи – ангелами.

Поговорить с единственным уцелевшим больным удалось только ментовскому подполковнику Андарбекову, члену специальной межведомственной комиссии, и то лишь потому, что дежурную медсестру куда-то позвали, и он, не дождавшись ее разрешения на посещение отдельной изолированной палаты, на свой страх и риск повернул ключ, оставленный медсестрой в замке. Правда, перед этим подполковник подумал, надевать ли ему припасенную повязку или служебный противогаз, который он на всякий случай прихватил с собой. Но возобладал здравый смысл. Подполковник посчитал, что если больной и сумеет понять его слова, произнесенные через противогаз, то уж он-то сам с наглухо закрытыми ушами услышать ничего не сможет. И потому противогаз был оставлен в сумке.

Больной встретил подполковника взглядом красных воспаленных глаз, сморкнулся то ли в марлевую повязку, то ли в носовой платок, подложенный под повязку, и хрипло спросил:

– Вы ко мне, товарищ подполковник?

– К вам, товарищ...

– Капитан Валтузин, спецназ внутренних войск... – представился больной и погладил лежащий на тумбочке краповый берет, как гладят кошку. Соседство берета, похоже, придавало «краповому» бойцу силы и восстанавливало организм после полученного мощного удара инфекции.

– Подполковник Андарбеков, заместитель начальника городского УВД... – в свою очередь представился гость и покосился на ноги спецназовца, лежащие на деревянной спинке кровати. Для удобства под ноги положили пару одеял. Кровати, подходящей для человека такого роста, в больнице не нашлось.

– Вы что-то спросить хотели? – Капитану разговор давался с трудом, тем не менее, говорить он сам хотел и упадок сил перебарывал.

– Да. Так что, капитан, у вас там случилось? – спросил Андарбеков.

– Где, товарищ подполковник? – не понял Валтузин, скорее собираясь с мыслями, чем ожидая ответа.

– Ну... Где... Где подхватили эту заразу. Как там она...

– Грипп... Его где угодно можно подцепить. Никто не гарантирован, хотя я себе даже прививку делал. И не помогло...

– Грипп гриппу рознь, – проявил ментовский подполковник незаурядный интеллект. – А уж этот-то... Говорят... Как его...

Как каждый истинный мусульманин, он не хотел даже произносить слово «свиной». И ждал, когда капитан сам его произнесет.

– А еще неизвестно, какой... – заметил капитан. Разговорившись, он, кажется, даже чувствовать себя начал лучше. – Анализ крови взяли. Послали утром в Москву. Результат, говорят, через неделю будет. Может, обыкновенный...

– От обыкновенного, сам говоришь, у тебя прививка была, – подполковник быстро перешел на «ты». – Да и не мрут от него так...

– А я еще, кажется, жив, – заметил Валтузин с легкой обидой.

– А четверых, что с тобой поступили, уже нет...

У капитана глаза раскрылись шире и, кажется, краснее стали.

– То есть... Вы о чем, товарищ подполковник? – Он опять стал задыхаться, но это, видимо, произошло от волнения.

– Ты что, не знаешь?

– Ничего не знаю...

– Вас вчера вечером пятерых привезли. Двух парней из следственного комитета, и вас, троих «краповых». Они все уже того... К Аллаху отправились. Ночью еще. Ты один остался... Выжил. А говоришь, простой...

– Следственный комитет, говорите... – Валтузин на несколько секунд задумался. – Ну у нас я еще понимаю, один от другого заразиться могли. А следственный комитет... Мы с ними вчера утром встречались. Ликвидировали часть банды эмира Везирхана Дашаева в поселке Первомайский. Потом помогли им осмотр проводить.

– Так! – Подполковник Андарбеков сразу понял, что ухватился за хвост вопроса. А уж если он хватался, то держался обычно, пока зубы терпели. – А кто там с вами был? Фамилии...

– Да разве ж я знаю? Целая следственная бригада приехала. Мы с ними не знакомились. Разговаривали по ходу дела, и все...

«Краповый» тяжело перевел дыхание и помотал головой, прогоняя болезнь.

– Больные там были? Сморкался кто-то? – продолжал подполковник тащить хвост вопроса.

– Я разве смотрел? Это у них следует спрашивать.

– А у ваших?

– У наших – не видел. Но у нас на легкий насморк внимания не обращают. Не принято.

– А ты сам, стало быть...

– Вообще никаких признаков. Как навалилось, и за два часа – как труп. А другие, выходит, – трупы настоящие...

– Ладно, спасибо, капитан. Поскачу в следственный комитет. А ты-то как сейчас себя чувствуешь?

– Похоже, завтра еще отлеживаться придется. Послезавтра – хоть в бой. Если только без марш-бросков...

Андарбеков пожал плечами. Он никогда не понимал «краповых», для которых бой является нормальным состоянием, а кабинетная работа кажется каторгой.

– Поправляйся. Если что-то вспомнишь, позвони мне. Вот номер... – он положил на тумбочку визитную карточку с дописанным от руки номером сотового телефона.

– И вы не болейте...

Подполковник сухо кашлянул и поправил на лице повязку.

* * *

Ждать результатов анализов заболевших предстояло целую неделю, и только после этого можно было бы сделать какие-то выводы. Но прежде подполковник Андарбеков хотел бы собрать данные, иначе и выводы делать будет не из чего. Выйдя из больницы, он не снял мар-

левую повязку, потому что увидел, как многие люди ходят по территории больницы в таком же виде.

Подполковник сел в машину. Сообразив, что в машину он посторонних не пускал, Андарбеков повязку не снял полностью, но сдвинул ее на горло, включил зажигание и уже положил руку на рычаг коробки переключения передач, когда в чехле на поясе зазвонил мобильник. Недовольно вытащив трубку, поскольку за первую половину дня он уже получил месячную норму звонков с вопросами и ответами на свои незадаанные вопросы, подполковник посмотрел на определитель номера. Звонил начальник горотдела полковник Бексолтанов. Из своего кабинета, и с прямого телефона, не через секретаршу. Это был редкий случай, и что-то за собой обязательно влек.

– Здравствуй. Что там в комиссии? Ты уже закончил? – Голос полковника Бексолтанова, напротив, был весьма вял и слаб.

– Здравия желаю. Я уже после вводного заседания одно поручение почти выполнил, сейчас его необходимо завершить. Был в больнице у единственного из этих... У оставшегося в живых. Сейчас в следственный комитет наведуясь, потом надо будет доложить результат в комиссию. После этого, надо полагать, буду свободен...

– Чувствуешь себя как?

– Жив, здоров и бодр, товарищ полковник. Я к болезням не склонен... – кажется, не к месту бодрился подполковник.

– И хорошо, хорошо, побереги себя... Это сейчас необходимо. А я вот что-то неважно себя чувствую, – голос Бексолтанова полностью подтверждал сказанное, и это звучало укором бодрому тону заместителя. – Как только освободишься, заезжай в управление, я тебе печать передам. Приказ я написал, что оставляю тебя исполняющим обязанности. А сам в поликлинику поеду. Знобит что-то... Температура, похоже, поднялась, сопля, как из водопроводного крана, слезы, как у безнадежно влюбленной девки, и голова гудит... Так что, поторопись...

– Понял, товарищ полковник. Я потороплюсь...

Оставаться исполняющим обязанности начальника горотдела подполковник Андарбеков любил, хотя обычно такое выпадало ему только раз в год во время отпуска начальника. При этом он наполовину чувствовал себя истинным начальником, и это ощущение казалось ему сладким, как настоящая власть. А к власти его всегда тянуло.

Ехать до следственного комитета было не долго. Когда следственный комитет выделяли из прокуратуры, сначала ему отвели здание в другом конце города, и это доставляло много неудобств. Потом пересажали каких-то бизнесменов, то ли виновных, то ли собравшихся стать виновными, и заняли их здание буквально с обратной стороны двора прокуратуры. Единственно, подъезд для транспорта с другой улицы. Но перейти двор, чтобы машину в объезд квартала не гонять, было не сложно. Это не через весь город добираться, как прежде.

В следственном комитете стояла суета, и это было заметно сразу...

В холле, сразу за лестницей в четыре широких ступени, висели уже большие фотографии двух сотрудников, по углам обвязанные черной лентой. Правда, одна фотография была цветная, вторая черно-белая, но такая дискриминация никого не смущала, как не смущала и повязка на лице пришедшего ментовского подполковника, – в следственном комитете все ходили в разномастных повязках. Умершие сотрудники были прикомандированными, как половина следователей следственного комитета, но руководил всеми следователями человек местный и даже родственник подполковника Андарбекова – полковник Мовлатов. И Андарбеков сразу двинулся на второй этаж к нему в кабинет.

Рассказ Андарбекова заставил руководителя следственного комитета задуматься и после этого позвонить куда-то в отдел, с требованием принести ему все материалы по вчерашнему мероприятию в поселке Первомайский. Раньше, чем материалы, принесли чай, но чай осты-

вал на столе, поскольку ни полковник, ни подполковник не решались снять с лица марлевую повязку.

– А другие сотрудники, что там были... Как? – задал подполковник естественный вопрос.

Полковник поднял палец в виде восклицательного знака, и тут же снова набрал номер, по которому только что звонил, чтобы выяснить ситуацию. И побледнел, когда услышал ответ. И даже передать его ментовскому подполковнику сразу не смог.

– Что там? – пришлось Андарбекову поинтересоваться дополнительно.

– Началось... Ой, началось... Три человека отпросились домой... Двое то есть в общежитие, один домой – местный, наш... Плохо себя чувствуют... Чихают... Температура...

Мовлатов поправил на лице маску и плотнее прижал ее к носу – воздух следственного комитета для людей, как стало ясно, опасен. В это время постучали в дверь, вошел следователь с нетолстой папкой документов, и одновременно зазвонил мобильник у Андарбекова. Полковник Мовлатов стал разговаривать со следователем, а подполковник ответил на звонок с незнакомого номера:

– Слушаю, подполковник Андарбеков.

– Товарищ подполковник, это капитан Валтузин... – Голос говорившего был по-прежнему слаб, хотя и тверд. Может быть, связь была такой, что голос слабым показался. Но Андарбеков даже узнал его не сразу. Наверное, потому, что это уже был намного более деловой голос, чем тот, которым больной говорил в палате.

– Кто-кто? – переспросил Андарбеков.

– Капитан Валтузин, спецназ внутренних войск. Вы у меня в больнице недавно были...

– А... Да... Слушаю тебя, капитан.

И опять рука произвольно прижала повязку плотнее к носу, словно вирус мог по телефону передаваться.

– Похоже, товарищ подполковник, дело пошло набирать обороты...

– Какое дело?

– Мне вот только что сообщили, что в госпиталь увезли еще троих наших... Не сюда, не в гражданскую больницу, а в госпиталь... Те же признаки... Симптомы то есть... А сюда привезли четверых жителей Первомайского. Все то же самое... И еще в Первомайский машину отправили. Два вызова оттуда... Наверное, пополнение доставят.

– Понял. Спасибо, капитан. Что еще будет, звони...

– А что в следственном комитете?

– Еще трое из вашей «первомайской» компании. Пока только домой отпросились. Хочется надеяться, что до кровати доберутся и на улице не свалятся...

– Значит, товарищ подполковник, можно с уверенностью констатировать, что все на поселке замыкается. И я могу даже кое-что предположить... Не утверждать, а предположить, и не больше. Но вам придется проверять.

– Говори.

– Там, в доме, который мы раздолбали, во время досмотра нашли две коробки с ампулами. В одной все ампулы были разбиты. Коробка из-под витамина «В», но это был не витамин, потому что последнюю целую ампулу следователь уронил, она разбилась, и содержимое почти сразу испарилось. Витамин так не испаряется. Витамины всем, кто был ранен, кололи, мы знаем... И запах какой-то был... Как аммиак, но я точно сказать не могу. Вот... Теперь – вторая коробка, поменьше первой. На второй коробке от руки было написано: «Антидот». Там остались целые ампулы. Эту коробку следки забрали в качестве вещдоков. Я могу даже предположить, что если мне вколоть этот антидот, то я через час на службу вернусь...

– С чего такие надежды?

– Ощущение такое, интуиция... Да и коробки вместе лежали. Какой еще антидот там мог быть? Нет, я соображаю правильно, товарищ подполковник.

– Понял. Спасибо. Это очень интересная информация... – Подполковник Андарбеков даже из кресла встал от волнения, потому что почувствовал, как хорошая ищейка, такой явственный запах следа, что захотелось сорвать марлевую повязку, встать на четвереньки и поскакать по следу. – Есть еще что-то?

– Это все.

– Спасибо, капитан. Что вспомнишь, звони...

* * *

Полковник Мовлатов по виду гостя понял, что тот получил важную информацию. Но спросил не словами, а только внимательным взглядом. Каждый начальник любит – так спрашивать даже у чужих подчиненных. И Андарбеков сам поспешил объяснить:

– Все сходится к поселку Первомайский...

– Что к Первомайскому сходится? – спросил стоящий рядом со столом полковника следователь из прикомандированных. – Все дороги, как известно, ведут в Рим. А при чем здесь Первомайский?

Относительно дорог, которые ведут в Рим, подполковник не понял, потому что античной классикой никогда не интересовался, но и переспрашивать не стал. И был слишком взволнован, чтобы обратить внимание на ехидство в голосе следака.

– В госпиталь... не в больницу, а в госпиталь доставили еще троих спецназовцев, что участвовали в операции в Первомайском, а в больницу привезли четверых жителей Первомайского. Те же страшные симптомы... Выживший спецназовец вспомнил. В доме, который они взяли штурмом, была коробка с надписью «Витамин «В» и вторая коробка с надписью «Антидот». Последнюю ампулу из первой коробки разбили там же. Был легкий запах аммиака. Жидкость сразу испарилась. Значит, это был не витамин «В». Ампулы из второй коробки увезли в прокуратуру как вещдок...

– Есть там какая-то коробка в контейнере, – согласился следак. – Я гляну...

– Так что? Это намеренное отравление каким-то химическим оружием? – сразу спросил полковник Мовлатов, словно с ним сейчас беседовали крупные научные светила в области вирусологии.

– Я поехал в комиссию. Вы коробку эту припрячьте подальше... Ее следует на анализ отправить.

– Антидот – это нейтрализатор яда, – заметил следователь.

– Написать можно что угодно, – сказал Мовлатов. – Это может быть и сам яд. Специально написали, чтобы людей с толку сбить. Неси коробку ко мне!

* * *

По дороге в комиссию, заседавшую в одном из помещений городского законодательного собрания, подполковник Андарбеков проехал мимо автовокзала, и даже притормозил, не сразу сообразив, что там происходит. Издали это походило на праздничную демонстрацию советских времен, которые Андарбеков помнил с детства. Или на какой-то несанкционированный митинг, на который он, как подполковник милиции, не может не среагировать. Но, оказавшись ближе, подполковник понял, что началось паническое бегство населения города. Автобусы брались чуть не штурмом. И неизвестно было, кто из беглецов несет вместе с собой опасный вирус, а кто заразу не подцепил. И эта мысль заставила подполковника вжать в пол педаль газа.

В комиссии осталось чуть больше половины членов. Остальные, как и он сам, разъехались собирать данные. Но остались как раз те, кто мог принять решение, а решение принимать требовалось срочное, и ни в коем случае не половинчатое.

– Необходимо объявить в регионе карантин! – еще не усевшись за стол, громко сказал Андарбеков. – Народ бежит из города, и неизвестно, кто из беглецов уже является носителем вируса, а кто пока чистый...

– Какого вируса? – тихо, совсем не проявляя возбуждение, спросил один из членов антитеррористического комитета. Единственный человек среди присутствующих, кто не носил маску и, кажется, никакой заразы не боялся.

Подполковник стал объяснять. Коротко и по-деловому. Его объяснения были приняты сразу.

– Город необходимо закрывать... – Твердо стукнув кулаком по столу, председатель комиссии вытащил трубку мобильного телефона и стал набирать номер.

Всем ясно было, что сам он принять такое решение не может, и потому обязан доложить ситуацию «наверх»...

* * *

Из комиссии подполковник Андарбеков поехал к себе в городской отдел милиции, не забыв, что его ждет начальник горотдела. Полковнику Бексолтанову тоже следовало сообщить новости, поскольку милицию города придется переводить на режим казарменного положения, а сделать это без ведома начальника горотдела невозможно. На круглосуточный режим дежурства переходит вся республиканская милиция, как пообещал в телефонном разговоре председателю комиссии министр внутренних дел. Это было уже близко к введению чрезвычайного положения, но ввести чрезвычайное положение не может даже президент республики, который находится сейчас в Москве и, возможно, еще мало знает о том, что происходит дома. А когда узнает, будет уже и с президентом страны решать, какие экстренные меры следует принимать. А принимать их нужно срочно, иначе зараза расползется по стране в несколько дней.

Конечно, начальник горотдела сейчас ничего сам решать не будет. Все переложит, как и полагается, на заместителя. Всю ответственность то есть в нелегкой ситуации... А сам будет отлеживаться дома, если, конечно, у него не что-то серьезное и его в больницу не увезут. Тем не менее, ввести полковника в курс дела следует обязательно. Начальник даже в больнице или в госпитале остается начальником. И при этом во всем происходящем подполковник Андарбеков видел и положительную сторону, и не мог не возвращаться мыслями к существованию вопроса каждые пять минут. Очень вовремя почувствовал себя плохо полковник Бексолтанов. И сейчас самое подходящее время его заместителю проявить себя как человека энергичного и с головой дружащего. Главное, не заболеть самому, не заразиться. А для этого необходимо побережиться. Все меры принять, чтобы болезнь обошла его стороной...

До места службы ехать было всего два квартала.

– У себя? – вздернув подбородок кверху, на ходу спросил Андарбеков у дежурного.

Жест, понятный всем, даже дежурному по горотделу ментовки.

– Ждет. Два раза звонил. Говорит, как только Андарбеков появится, сразу ко мне...

Подполковник зашпешил по лестнице.

Секретарша сидела в приемной, чуть не полностью укутав голову хиджабом, и смотрела только одним глазом. Ни слова не говоря, показала на дверь в кабинет полковника.

– Болеет?

Она кивнула, и Андарбеков вдруг заметил, что единственный видимый глаз у секретарши очень красный и воспаленный. Значит, и она тоже болеет. А трубный звук, издаваемый обычно лишь хоботом слона, но в этот раз прозвучавший непосредственно из-под хиджаба, подтвердил

предположение. Нет, заразиться здесь, в своем управлении – это было бы верхом легкомыслия. Тем более в такой момент, когда впереди, как солнце из-за гор на рассвете, выплывают перспективы профессионального роста.

Решительно сдвинув с бедра свою сумку, подполковник вытащил противогаз и натянул его себе на голову. Попробовал дышать – почти нормально; минут пять, пожалуй, можно выдержать. Только стекла сразу слегка запотели. Но это запотевание прошло уже через несколько секунд и больше не мешало. Подбадривающе кивнув секретарше, подполковник смело постучал в дверь, понимая при этом, что не услышит приглашающего голоса, приглушенного дверью, и сразу вошел.

Полковник Бексолтанов сидел в кабинете, но не на своем месте, а с противоположной стороны, за длинным столом для заседаний, спиной к двери, опустив голову, чихал и тут же смачно сморкался в какую-то большую тряпку, похожую на его же собственную запасную форменную рубашку. Андарбеков позвал, полковник голоса из-под противогаза не услышал, и потому пришлось пальцами коснуться его плеча. Полковник по-собачьи мотнул головой, разбрызгивая соплю, обернулся и увидел над плечом голову своего заместителя, аккуратно спрятанную в противогаз. Непонятно было, что показалось Бексолтанову, какие мысли пришли в его больную голову, но полковник тонко вскрикнул, подпрыгнул со стула и в бессознательном состоянии рухнул на покрытый толстым ковром пол. На таком ковре ушибиться невозможно, и это спасло Бексолтанова от серьезных травм.

Андарбеков наклонился над полковником в некотором недоумении, приложил пальцы к горлу, прощупывая сонную артерию, убедился, что начальник жив, и поспешил к телефонному аппарату, чтобы вызвать «Скорую помощь». Но диспетчер на станции никак не мог разобрать его намеренно ясно и членораздельно произносимых слов, и потому пришлось снять противогаз.

«Скорая помощь» приехала быстро. Все-таки не к кому-то был вызов, а к начальнику горотдела милиции. Врач смерил давление, прослушал грудь. Думал не долго, и сделал вывод: – Обширный инфаркт миокарда! Носилки из машины принесите...

Подполковник Андарбеков еле-еле разобрал его слова. В противогазе трудно было слушать даже самую простую речь, а он забрался в противогаз, как только увидел в окне машину «Скорой помощи». Эти машины только за сегодняшний неполный день уже кучу сморкающихся и чихающих больных перевезли. И пусть сам врач в повязке, но на его одежде может столько всякой заразы собратся... Нет уж, лучше в противогазе!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ночь выпала холодная, и в том сарае, где устроился со своей ОМОГ² подполковник Гризадубов, было ощутимо прохладно; дуло не только со стороны внешней стены, но и из-под пола, словно там стояли мощные вентиляторы. Хорошо еще, что здесь было электричество и парни быстро соорудили простейший кипятильник. Конструкция общеизвестна. Берутся два лезвия, связываются через спички с обрезанными, естественно, головками. Один конец провода соединяется с одним лезвием, второй с другим. И кипятильник готов. Правда, для такого кипятильника требуется стеклянный чайник, иначе произойдет короткое замыкание. Но вместо чайника вполне можно было использовать и трехлитровую банку, которую удалось выпросить у командира мотострелковой роты во временное пользование. Чтобы вода в банке закипела, требуется чуть больше минуты слышать, как гудят провода и даже сама банка. Впечатление складывается такое, что посуда не выдержит и разорвется. Но через полторы минуты вода уже кипит, и можно вытаскивать кипятильник и заваривать чай. Кружки, понятно, есть у всех свои. Чай тоже свой, и не надо ни у кого выпрашивать. Обычная командировочная жизнь... Крыша над головой есть – это вообще замечательно. Нет крыши – тоже ничего страшного. На свежем воздухе, когда до наступления зимы еще пара месяцев, ночевать одно удовольствие. Спецназ вообще-то и зимой ночевать в снегу в состоянии. А уж в сарае, да еще с электричеством – предел мечтаний!

Спать в сарае, пристроенном к зданию, что использовалось в качестве казармы для мотострелков, было негде, если не считать деревянного пола, разный хлам с которого нетрудно было сместить в один угол. Но спать пока никто и не ложился. Группа прибыла в расположение мотострелкового батальона около часа ночи. Комбата позвонили и скорее попросили, чем приказали, принять гостей буквально за двадцать минут до прибытия спецназовцев. И этот сарай – все, что комбат сумел найти, поскольку батальон и без того жил в несусветной тесноте, ожидая, когда его перебросят на новую базу, которая, согласно обещаниям, должна была быть выстроена уже пару с лишним лет назад.

Подполковник Гризадубов держал кружку с чаем двумя руками, словно бы руки этой кружкой согревал. Впрочем, несмотря на прохладную ночь, подполковник совсем не замерз, а кружку так держал потому, что не хотел дать чаю остыть раньше времени. Руки человека как термос. Любую посуду сами согревают.

В дверь сарая постучали.

– Заходи... – за всех и в первую очередь за командира ответил пулеметчик группы старший лейтенант Кошкин.

Через порог осторожно ступил сержант контрактной службы с красной повязкой дежурного на левой руке.

– Извините... Подполковник Гризадубов?

Ни на одном из спецназовцев не было видно погон – и на тех, кто снял бронежилеты с «разгрузками», и на тех, кто не снял, и потому сержант не знал, к кому обратиться.

– Я, – сказал Алексей Викторович.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться, – козырнул сержант.

² ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа, подразделение спецназа ГРУ.

– Валяй... И не так громко, я не глухой.

– Дежурный по части послал. Звонили из управления ФСБ. Они за вами машину выслали.

Просят выйти на КПП...

– Понял. Спасибо. Можешь идти.

Сержант еще раз козырнул, развернулся, и шагнул к двери.

– Не споткнись. В наших хоромы порог высокий, – подсказал Кошкин.

Сержант не споткнулся.

– Поеду... – вздохнул подполковник.

– До утра подождать не могут? – Рассудительный майор Макаров, заместитель командира группы, не любил торопливости и суетливости. И никогда не одобрял, когда человека, даже не его самого, срывали с места среди ночи.

– Не могли, значит, – поправляя ремень, сказал Алексей Викторович. – Зря, что ли, заставили нас за день шестьдесят километров отмахать?

– А почему в ФСБ? У нас что, собственное командование на пенсию вышло? – не унимался Макаров. – Надо бы хоть доложить своим...

Гризадубов проверил пистолет и засунул его в кобуру:

– Свои уже сами мне доложили о временном перекомандировании в распоряжение ФСБ. Будем подчиняться согласно приказу, и не будем ворчать. Я вообще так понял, что не одних нас – сразу несколько групп...

– А зачем? Опять кого-то дружно «обкладывать»? – спросил лейтенант Красников.

– Или куда-то туда, в зону карантина толкнут... – предположил майор Макаров. – Вот чего не хотелось бы.

– А по мне, так ничего страшного и в этом, – сказал лейтенант Троянов. – Я за всю свою жизнь гриппом ни разу не болел. Не знаю, что это такое. У меня организм такую заразу не принимает...

– Это ты зря, – высказал свое мнение старший лейтенант Долматов. – Кто гриппом не болел, у того организм иммунитет не выработал.

– Ага... Здесь, говорят, такой грипп гуляет, – сказал капитан Румянцев, – что никто иммунитет выработать не успеваешь, сразу в могилу!

Из всех свое мнение не высказал только лейтенант Суглобов, но он, сидя у стены, тихо дремал, поскольку на последнем привале, когда все спали, Суглобову выпало быть на посту.

– Что гадать... Сейчас все узнаю, – сказал Гризадубов.

* * *

Подполковник стоял за воротами, когда подъехал «уазик» с гражданскими номерами. Водитель в камуфлированном костюме без погон открыл дверцу.

– Подполковник Гризадубов? – Вопрос звучал почти утвердительно.

– Я, – тихо отозвался Алексей Викторович и без разговоров сел на переднее сиденье, хотя машинально все же отметил, что на заднем сиденье тоже кто-то сидит, плохо различимый в темноте салона.

Подполковник не страдал манией величия и, конечно, понимал, что он не такая величина, которую будут похищать, едва только он, после совершения шестидесятикилометрового марша из соседней республики, появился здесь. Тем не менее сказывалась старая спецназовская привычка в незнакомых местах и при незнакомых людях никого не оставлять у себя за спиной. И Алексей Викторович держался слегка напряженно, контролируя то, что происходит на заднем сиденье, готовый отреагировать на любую угрозу оттуда. Впрочем, контролировать – это не значит оборачиваться. Спецназовец не оборачивался, но левую руку держал на колене так, что ее можно было резко отбросить и нанести кистевой встречный удар движению за спи-

ной. Алексей Викторович хорошо знал, что при нападении сзади атака всегда следует на горло. Большинство людей при атаке сзади стремятся свое горло защитить, и в этом случае шансы нападающего и защищающегося разделяются в пропорции «семьдесят на тридцать», в зависимости от степени подготовленности. А если не защищаться, но самому наносить удары, то положение очень быстро становится равным.

Но в этот раз ничего не произошло – ни защищаться, ни бить не пришлось, и машина скоро остановилась около дома с высоким полукруглым крыльцом.

– Приехали... – сказал водитель. – Пропуска на вас заказаны. Дежурный проводит вас в кабинет. Вас ждут...

Алексей Викторович вышел, и одновременно с ним вышел человек с заднего сиденья. Глянув через плечо, подполковник увидел капитана, который пристраивал на голове краповый берет, до этого он держал его в руках. Капитан был такого роста, что в машине головой, видимо, потолка касался – меньше двух метров, но не намного.

– Вместе идем, товарищ подполковник, – сказал «краповый» и представился: – Капитан Валтузин, спецназ внутренних войск.

– Если вместе, значит, идем, – подполковник пожал протянутую руку. – Гризадубов, Алексеем Викторовичем меня зовут...

И первым двинулся к крыльцу.

Дежурный по управлению внимательно проверил у пришедших документы, выдал пластиковые магнитные карточки, которые служили ключом к «вертушке» на входе, и послал своего помощника проводить гостей в нужный кабинет.

Нужный кабинет оказался практически залом заседаний, в котором вполне можно было бы поместиться роте солдат, хотя и маршировать этой роте пришлось бы только по длинному столу, поскольку сам кабинет был длинным и узким, и перестроенным, похоже, из простого коридора. Но за длинным столом компактно уселось около десятка офицеров и вдвое больше гражданских лиц. Вообще-то сотрудники ФСБ часто носят гражданскую одежду, но у Гризадубова глаз был наметанным, и он легко определял, кто временно сменил мундир на гражданскую одежду, а кто в действительности является лицом гражданским. В данном случае за столом сидели именно гражданские, за исключением одного человека, который и встал, чтобы поприветствовать пришедших. Вернее, представить их, хотя сам с пришедшими знаком не был.

– Вот теперь мы в сборе и можем начинать. Подполковник Гризадубов, спецназ ГРУ, и капитан Валтузин, спецназ внутренних войск. Присаживайтесь, товарищи офицеры. Места всем хватит... Так... Начнем с моего представления, поскольку не все из присутствующих меня знают... Генерал-майор Липатов Константин Николаевич, Федеральная служба безопасности...

Генерал сел и быстро пересмотрел отдельные листы бумаги, что стопкой лежали перед ним на столе. Нужный лист был найден почти сразу, и Константин Николаевич удовлетворенно хмыкнул.

– Большинство из присутствующих знают причину, по которой мы все здесь собрались. Лучше всех ее знает, конечно, только что прибывший капитан Валтузин...

– Я, товарищ генерал? – искренне удивился великан, привставая.

– Вы когда из госпиталя?

– Я в гражданской больнице лежал. Сегодня днем сбежал...

– Так вы что, не долечились? – Генерал опустил голову, чтобы посмотреть на Валтузина поверх очков.

Капитан встал во весь свой гигантский рост:

– Я уже полностью здоров, товарищ генерал. Нет никаких симптомов болезни. Три дня пролежал. А быть подопытным кроликом у коновалов я не желаю. Извините...

И сел, уверенный в своей правоте.

– Коновалами вы, как я понимаю, врачей зовете? – спросил один из гражданских с вызовом, и всем стало понятно, что это спрашивает врач.

– Их, их, стервецов... – невозмутимо ответил Валтузин. – Лечить не умеют только опыты на людях ставят. Пусть ставят на своей родне и на кроликах!

– Я – врач, доктор медицинских наук, профессор, – почти представился оппонент, уже этим выражая свое возмущенное несогласие.

– Я вам искренне соболезную, но помочь ничем не могу. – Валтузин менять свое мнение не любил. – В мире много бесполезных и даже вредных профессий, и бороться с этим трудно. Потому и я не буду бороться...

– Прекратим пререкания. Мы не для этого здесь собрались, – сказал генерал строго. – Вы, капитан, понимаете, о чем я говорю? Понимаете, почему вы лучше всех знаете причину, по которой мы собрались здесь?

– Я так, товарищ генерал, понимаю, что это связано с эпидемией...

– Связано, – подтвердил генерал Липатов. – Мы в данный момент находимся вне зоны карантина, но тем не менее, рядом с ней, и безопасность нам соблюдать тоже необходимо. Потому на следующее заседание попрошу всех явиться хотя бы в обыкновенных марлевых повязках. Если у вас в своей медсанчасти нет запаса, можете получить у нашего дежурного. И вообще, давайте будем соблюдать японский принцип. Знаете, как в Японии?

– Как? – спросил кто-то из гражданских.

– Японец носит повязку не потому, что боится заразиться сам. Ему стыдно других заразить. Это упрек в вашу сторону, капитан.

– Я уже здоров, товарищ генерал, – упрямо стоял на своем Валтузин. – Перенесенная болезнь, как мне сказали, явилась одновременно и прививкой, и потому для меня уже не существует угрозы заразиться снова...

– Если человек не долечился, – сказал профессор, – возможен и даже весьма вероятен рецидив.

– Мелко мстите, профессор... – лениво отпарировал «краповый». – Но я долечился.

– Итак, – снова начал говорить генерал, уже не требуя прекратить пререкания, – нам с вами предстоит в экстренном порядке решать вопросы, связанные с эпидемией неизвестно откуда свалившегося гриппа. Беда осложняется еще и тем, что мы не знаем пока, какой вирус возник в республике и откуда он здесь взялся. Есть подозрения, что это пресловутый «свиной грипп», получивший такую широкую рекламу во всем мире, но результаты анализов будут готовы только через три дня. А до этого нам необходимо еще многое сделать. Необходимо... В экстренном порядке... Кардинальным образом...

Последние слова прозвучали так жестко, что подполковник Гризадубов почувствовал наконец, что это говорит настоящий генерал ФСБ, а не какой-то интеллигентик, которым генерал поначалу прикидывался. Хотя даже это категоричное высказывание не помогло Алексею Викторовичу понять, какое отношение к борьбе с эпидемией гриппа может иметь спецназ ГРУ. Но, видимо, может, раз на такое заседание пригласили командира отдельной мобильной офицерской группы. Привлекать части спецназа ГРУ, тем более элитный состав, как называют ОМОГ, для осуществления охраны периметра зоны карантина никому в голову, естественно, не придет. Это было бы равнозначно тому, чтобы в лаборатории какой-нибудь больницы вместо микроскопа использовать мощнейший телескоп. Но, скорее всего, для спецназа задача будет ставиться, как обычно бывает, отдельно. И роль ОМОГ в этом деле не будет широко афишироваться...

* * *

Ночное заседание комиссии в ФСБ носило деловой характер, но спецназ откровенно скучал, потому что ни один из обсуждаемых вопросов напрямую никак не касался деятельности группы подполковника Гризадубова. Алексей Викторович чуть не засыпал. Наверное, то же самое можно было сказать и о капитане Валтузине, если только капитана не пригласили в качестве выжившего экспоната. За четыре дня после первых случаев заболевания в больницах и госпиталях зоны карантина умерло шесть человек, выжило шестнадцать. Новые больные продолжали поступать, и это не могло не беспокоить. Особенно странным, как было сообщено всем, показался факт почти поголовного заражения жителей маленького горного селения – восемнадцати человек. Там осталась здоровой только одна женщина. Провести с гор эвакуацию больных возможности не было, поскольку горы были полностью обложены тучами, и вертолету туда было не пробиться. И проселочную дорогу, по которой теоретически считалось возможным проехать на внедорожнике, размыло недавним ливнем. Пройти можно было только пешком, что и сделали два врача районной больницы. Но настораживал тот факт, что короткая, в полторы минуты продолжительностью, видеосъемка из горного селения, где люди даже ходить сами почти не могут, вдруг появилась в Интернете. На кадрах отчетливо видно стоящий в загонах и «плачущий» скот и двух человек, на четвереньках выползающих из домов. Если появилась видеосъемка, значит, кто-то посторонний в селе был. Но сигнала в медицинские учреждения оттуда не поступало, и врачи отправились в горы только после просмотра кадров видеосъемки и шумихи, поднятой в Интернете этими кадрами. И еще возникал вопрос, от кого могли заразиться жители этого селения, если они с внешним миром практически не общались. Сейчас с врачами, что остались в селении, где два человека, несмотря на помощь, уже умерли, поддерживается связь через сотовый телефон. Благо вышка ретранслятора расположена на соседней горе и покрывает потребности. Врачи сообщают, что повальная эпидемия началась внезапно. Перед этим никто в селении не болел – и вдруг заболели одновременно все. Самое странное заключается в том, что в течение месяца никто из внешнего мира в селение не заходил. Следовательно, эпидемия возникла сама по себе, но одновременно со вспышками в других местах, чего быть, как говорят специалисты, просто не может.

Вообще, в связи с этой эпидемией встало множество вопросов и медицинского, и немедицинского характера. Вопросы эти были острыми и требовали оперативного решения.

– Медицинские вопросы будут решать медики и административные органы, ответственные за санитарное обеспечение, а другие вопросы... Это потом.

Сказав последние слова, генерал Липатов посмотрел на сидящих против него офицеров, потом на устроившихся в стороне Гризадубова и Валтузина, показывая, кто будет решать другие вопросы и что он подразумевает под термином «другие вопросы». Догадаться было нетрудно. Офицеры, сидящие за столом по другую сторону от генерала, носили погоны с ярко-голубыми просветами³. А спецназ ГРУ и спецназ внутренних войск, видимо, должны помогать им.

* * *

Теперь дело взял в свои руки абсолютно седой подполковник ФСБ, настолько седой, что его седина казалась искусственной.

³ Ярко-голубые просветы на погонах носят офицеры Федеральной службы безопасности.

– Кто со мной не знаком, представлюсь. Подполковник Оздемиров Оздемир Оздемирович. Генерал не сказал, но я буду возглавлять оперативный штаб, и все действия необходимо будет координировать со мной. Это в первую очередь относится к нашим смежникам из спецназа ГРУ и спецназа внутренних войск, поскольку остальные офицеры будут работать непосредственно под моим началом, а спецназовцам будут поставлены собственные автономные задачи. Но действия, повторяю, необходимо будет координировать со мной... Итак, что мы имеем? Гойтемир, доложи для общего сведения.

Встал капитан с красной папочкой в руках, заглянул в нее на пару секунд, словно успел прочитать там что-то, и тут же закрыл. И начал говорить без шпаргалки, хотя и не совсем хорошо владел русским языком. Однако все его понимали...

2

– Мы имеем в наличии какой-то не определенный нашими медицинскими специалистами вирус. При этом подозрения на то, что наш вирус можно будет идентифицировать с нашумевшим вирусом «свиного гриппа», совершенно ни на чем не основываются. Просто «свиной грипп» поднял в мире шум больший, чем несколькими годами раньше пресловутый «птичий грипп», и мысли людей естественным образом сводятся к уже известному понятию. А мы имеем полное право до получения результатов научной экспертизы считать, что это какой-то другой вирус. Кстати, в народе уже появилось название – «кавказская лихорадка»... По аналогии, видимо, с «испанской лихорадкой», которая в действительности тоже была лишь гриппом. И, я повторю, до получения результатов экспертизы мы имеем полное право считать, что здесь «свиным гриппом» не пахнет.

– Право или основание? – спросил один из офицеров. – Это разные понятия.

– Основание, – ответил Гойтемир, – это тогда, когда мы уже знаем, что за вирус перед нами. Пока же мы имеем право предполагать и то, и другое, и третье... Но главное вообще не в этом, иначе здесь нечего было бы делать офицерам ФСБ и других силовых структур. Главное, мы не без оснований полагаем, что эпидемия имела рукотворный характер. То есть вирус был занесен в республику извне, и нам всем вместе предстоит выяснить, так это или не так. И если ответ будет положительным, мы должны определить, кто и с какой целью все это делал.

– Я сразу дополню, – снова встал со своего места подполковник Оздемиров. – Нам не удалось отследить, кто и с какого адреса выложил в Интернет видеозапись из горного селения. Не удалось предположительно потому, что запись выставлялась из-за границы. Сейчас к делу подключились крупные московские специалисты, может быть, они что-то сумеют накопать, но пока данных нет. Однако тот факт, что видеозапись выкладывалась в Интернет из-за границы, дает нам право предполагать, что сама запись была не случайной. То есть кто-то заранее был готов к вспышке инфекционного заболевания и преследовал цель заснять результаты своего труда. Причем съемка производилась в скрытом режиме, возможно, с применением хорошей видеотехники, и с дальнего расстояния. Никто из жителей не видел оператора. И те двое больных, которых оператор сумел снять, тоже его не видели. Значит, он не стоял рядом, не ходил по единственной улице и никому не показывался на глаза. Что это может означать, мы можем додумать. Кто-то инициировал эпидемию. Мы пока не знаем, какими способами... Потом заснял любопытный со своей точки зрения материал и выложил в Интернет. По всей видимости, за первым и вторым действием стоит одно и то же лицо или группа лиц. И, поскольку материал выкладывался из-за границы, то и адрес инициатора эпидемии вполне может оказаться иностранным. Наша первая задача – отыскать этот адрес...

– Честно говоря, – подполковник Гризадубов поднялся из-за стола, – я пока не вижу вариантов применения спецназа ГРУ в данной ситуации. Все, что здесь можно сделать, – это

работа сыскарей и аналитиков, компьютерщиков и так далее. Перед нами обычно ставятся слегка иные задачи...

– Я понял вас, товарищ подполковник, – сказал Оздемиров. – У вас и будет другая задача, полностью соответствующая вашему профилю. Это уже вторая тема, и введет нас в нее капитан Валтузин...

– Я? – удивился капитан. – Я бы с превеликим удовольствием, только с чего начать и что говорить? У вас обо мне, кажется, больше информации, чем у меня самого...

– Вы уже высказывали подполковнику Андарбекову ваши предположения о возможном варианте вашего заражения, ваших товарищей и следователей следственного комитета. Именно это мы и хотим от вас услышать.

– Ах, это... Это да. Есть такое предположение...

– Вот и рассказывайте, капитан.

– Дело было, когда мы ликвидировали часть банды эмира Везирхана Дашаева в поселке Первомайский. Получили донесение осведомителей, что в одном из домов поселка прячутся вооруженные люди. А накануне неподалеку от Первомайского была обстреляна милицейская машина, погибли трое милиционеров. Ответственность за нападение взял на себя Везирхан Дашаев. Он сам позвонил в милицию и, грубо говоря, похвастался. Обещал в течение месяца, если не поленится, уничтожить еще с десяток милиционеров. Он всегда так делает. Любит прихвастнуть. Мы провели разведку. Донесение подтвердилось. Бандиты прятались в доме. Естественным было предположить, что это были люди Дашаева. Дом блокировали, предлагали бандитам сдаться, они отказались, тогда их просто уничтожили с применением бронетехники. Семь человек. Шесть мужчин и одна женщина. Потом приехала бригада следователей следственного комитета. Вместе мы проводили осмотр развалин дома и трупов бандитов. Там, в доме, один из следователей – ныне, к сожалению, уже покойный – нашел две коробки. Упаковки от лекарств. На первой была этикетка – «Витамин «В». На второй только от руки было написано: «Антидот»...

– Антидот чего? – переспросил подполковник Оздемиров.

– Вы считаете, я должен знать, что содержится в запаянных ампулах? – вопросом на вопрос ответил капитан Валтузин.

– Продолжайте, – попросил подполковник.

– Коробки были деформированы. Это понятно... Дом наполовину разрушен, все развалено, шкафы на полу – ими двери забаррикадировали. В первой коробке первоначально было десять больших ампул. Разбились все, кроме одной. Но осколки были во всех ячейках, поэтому я предполагаю, что ампулами еще никто не пользовался. Следователь высыпал остатки стекла на пол, выпала и последняя ампула, разбилась. Был легкий и недолгий запах аммиака. Вообще, в той атмосфере запаха трудно было разобрать. Дом расстреливали из гранатометов и из автоматической пушки бронетранспортера. Запах там был специфический... Тем не менее, аммиак не я один почувствовал. Но самое интересное, что жидкость, что в ампуле была, образовала лужицу и тут же испарилась. Прямо у нас на глазах. С витаминами для инъекций такого не бывает. А тут – только что видели лужицу в пыли, и уже не стало ее. Три-четыре секунды, и все... Я сразу внимание на это обратил. Потом вторую коробку смотрели. Там ампулы поменьше. Большая часть разбилась, четыре уцелели. Их следователь к вещдокам присоединил. А вечером меня и трех моих сослуживцев скрутило... Я потом уже прикидывал по времени – от первых признаков недомогания до полного изнеможения дистанция в два часа. Так быстро ни один грипп, насколько я знаю, не работает. Даже ваш хваленый «свиной»...

Капитан замолчал.

– И что? – спросил подполковник Оздемиров.

– А что? Дальше все понятно. Нас троих сначала увезли. Одновременно, как мне потом сказали, в больницу доставили и двух следаков, что с нами вместе в Первомайском работали.

Из всех пятерых только я один каким-то макаром выжил... На следующий день с более слабо выраженными симптомами были отправлены в госпиталь сначала трое, потом еще двое из нашей группы. Выжили все. Из следственного комитета в госпиталь попало пять человек. Один умер. Умер, кстати сказать, и врач, который первым нас принимал и осматривал. И заболели две медсестры... Дальше я списочный состав больных не изучал. Все.

– Вопрос, капитан, – не вставая с места, спросил подполковник Гризадубов. – Шприцов в доме не было? Не могли они в коробке из-под витаминов хранить наркотики?

– Мне лично не попадалось ни одного шприца. Не знаю, что другие нашли. Но разговора о наркоманах у нас вообще не возникало. Везирхан Дашаев сам наркотой не балуется и не поощряет этого у своих парней. Помнится, был случай, он кого-то расстрелял за это... Впрочем, расстрелять он мог и за что-то другое, а это только слухи. Чистотой помыслов эмир не отличается...

– Я слышал про него, а эта историю с расстрелом проходит по нашей базе данных. Он тогда расстрелял часового, который спал на посту в невменяемом состоянии. И это вовсе не говорит, что он вообще запрещает наркотики.

– Не буду спорить. Возможно, – согласился Валтузин.

– А где сейчас оставшиеся ампулы с антидотом? – продолжал уточнять Алексей Викторович.

– Одна ампула осталась... – за капитана ответил подполковник Оздемиров. – По описи – четыре. А осталась одна. Следователь следственного комитета утверждает, что передал своему руководителю полковнику Мовлатову коробку с четырьмя ампулами. Мовлатов говорит, что ампул было только три, но одну из них он уронил и разбил. Потом коробку с двумя ампулами передали в городскую комиссию по антиэпидемиологическим мерам, а оттуда на экспертизу была доставлена уже только одна ампула. Где вторая – не знает никто. Но хотя бы одна осталась, и ее уже отправили спецрейсом в Москву, чтобы выяснить химический состав препарата и его возможное предназначение. Кстати, такая неприятность... Обычно маркировка производителя ставится на минимальной партии. Минимальная партия, как правило, – коробка. Десять ампул то есть... Маркировка производителя, если партия не носит опытный характер, должна быть поставлена на одной из ампул. На той, что осталась, маркировки производителя нет. Там есть другая маркировка. Фармацевтическая... Но наши фармацевты ничего сказать о препарате не смогли. Маркировка не проходит ни по одному из справочников и не говорит им ничего.

– Следует искать осколки в развалинах дома, – сказал Гризадубов. – Сложная работа, но необходимая. Пока не упущено время, это нужно сделать. Через неделю будет поздно. Или появятся наследники владельца дома, или соседи растащат его на кирпичи для своих сараев. Обычная история...

– Если ампулы принадлежали Везирхану Дашаеву, – сказал капитан Валтузин, – то я вполне могу допустить такой вариант, что в коробке с антидотом находилась не антигрипповая вакцина, а самый настоящий вирус. Везирхан настолько хитрый и коварный жук, что может все переменить только из желания навредить. Шесть ампул из десяти было разбито там же, в помещении. И этого хватило нам всем, стоило чуть-чуть вдохнуть. Вирус, видимо, обычный, но в помещении была мощнейшая концентрация, и потому врачи удивлялись, насколько сильно проявились у нас пятерых все симптомы. Что я выжил – это просто чудо... Мама с папой здоровьем наградили, и все же вирус распространяется на клетки тела. А у меня этих клеток сто шестнадцать килограммов... У других, что поступили в госпиталь и в больницы позже нас, таких явных проявлений заражения не было. Это еще раз подтверждает, что вирус имел локальную точку, и мы именно в ней находились. Потому и получился такой плачевный результат.

– Это печально, – согласился Гризадубов. – Но я пока не понял задачи спецназа ГРУ.

– Задача самая простая в постановке, но самая сложная в исполнении, – со вздохом начал подполковник Оздемиров. – Во-первых, войти в зону карантина... Но это мы вам обеспечим и создадим коридор, чтобы не перебрасывать вас по воздуху, поскольку сейчас даже полеты в эту зону запрещены до особого распоряжения. И ваш полет, если бы такой состоялся, обязательно привлек бы внимание. А вам внимания лучше избежать.

– Да, мы не актеры... – Алексей Викторович кивнул. – Мы внимания со стороны не любим.

– Во-вторых, – продолжил подполковник ФСБ, – вам ставится задача найти остатки банды Везирхана Дашаева, уничтожить и произвести тщательный досмотр. У него могут остаться другие упаковки с препаратом...

– Хорошенькое дельце, – усмехнулся Гризадубов. – Его уже много лет поймать не могут, а тут – найди и принеси! Да еще силами всего одной ОМОГ...

– С вами вместе и в вашем подчинении будет действовать сводный отряд спецназа внутренних войск под командованием капитана Валтузина. Если, конечно, капитан после болезни в состоянии сразу приступить к исполнению своих обязанностей.

– Он в состоянии, – сказал Валтузин.

Оздемиров кивнул, показывая, что у него лично и сомнений не было в таком ответе.

– Отряд Валтузина находится внутри зоны. Капитан будет проходить за периметр вместе с вами. И это будет существенная помощь. «Краповые» давно уже охотятся за Дашаевым и собрали на него много данных. Хотя, конечно, я понимаю всю трудность такого поиска. Тем не менее, ситуация сейчас такая, что простое слово «надо» становится, по сути дела, знаменем. Мы не знаем, какие у эмира дальнейшие планы. Он может начать распространять вирус...

– Если он у него есть, – заметил Алексей Викторович.

– Естественно. Он может попытаться распространять вирус по всему югу России или даже где-то в Москве и в других городах. Разбить пару ампул в общественном месте – что может быть проще в исполнении и сложнее в недопущении! И пойдет цепная реакция...

– Ладно, дело хорошее. Значит, будем его искать... – Спецназовец ГРУ посмотрел на спецназовца внутренних войск, и они кивнули друг другу. – Единственное требование с нашей стороны, и требование категоричное: необходимы хотя бы простейшие средства защиты от вируса. Повязки, маски или что еще там можно применить...

– Обеспечим обязательно. Это уже проработанный вопрос, – уверенно пообещал подполковник ФСБ.

* * *

Машин в управлении, чтобы одновременно отправить ночью всех по домам или по местам, кто где остановился, не хватало. Пока отвозили гражданских, подполковник Гризадубов с капитаном Валтузиным сидели в кабинете подполковника Оздемира Оздемировича Оздемирова, где кроме хозяина кабинета задержался и капитан Джабраилов, которого на общем совещании подполковник назвал просто Гойтемиром.

– Выводить вас в зону карантина мы планируем завтра ночью, – сообщил Оздемиров.

– Почему не сегодня? – не понял Алексей Викторович. – До рассвета еще около четырех часов. Периметр совсем под боком...

– Да, лучше бы не терять время, – согласился Валтузин.

Оздемиров пожал плечами:

– Ваша группа, Алексей Викторович, за вчерашний день пешим ходом преодолела шестьдесят километров. Мы посчитали, что вашим бойцам необходимо отдохнуть.

– У нас нет такой необходимости. Мы не устали. А время дорого...

– Но мы не успеем подготовиться. Нам необходимо создать скрытный «коридор» в системе оцепления и обеспечить максимальную секретность вашего прохода.

– Карта постов у вас имеется?

– Имеется, но отметки на карте весьма условны. Посты передвигаются и на машинах, и пешком порядком. И где какой пост будет находиться в конкретный промежуток времени, этого мы знать пока не можем. У них там суeta постоянная. В первый же день, как выставили, более шестидесяти человек задержали. Беженцы... Всех в карантин. В два последующих дня – по пятьдесят человек...

– Ерунда. Мы пройдем. Есть хотя бы грузовик, чтобы моих людей сюда подбросить, а потом вывезти как можно дальше в сторону периметра?

– Грузовик найдем. У тех же мотострелков возьмем, у которых вы остановились. Если вы решитесь, это будет всем на пользу, но если вас обстреляют свои же, то...

– Мы умеем проходить незамеченными, – твердо сказал Гризадубов. – Посылайте машину за группой.

– Как хотите. – Оздемиров такому повороту только обрадовался и кивком головы отдал приказ своему капитану. Гойтемир сразу вышел. – Тогда я введу вас в кое-какие сопутствующие дела...

– Сопутствующие чему?

– Вашей основной задаче.

– Согласен.

– Давайте произведем небольшое обобщение, если никто не против. Обобщение всего, что мы имеем. Не всего, конечно, но главного. Мы имеем разбитую ампулу, три пропавшие ампулы, заражение тех, кто присутствовал при разбитии ампулы или вообще в помещении, где остальные ампулы были разбиты. Вот первый основообразующий момент происшествия. Все остальное вокруг этого – только сопутствующее, и здесь обобщать, по сути дела, нечего, поскольку большинство зараженных неизвестным вирусом или контактировали с зараженными, или проживали в поселке Первомайский неподалеку от того страшного дома. Таким образом, мы выделили первый момент для обобщения.

– Выделили, – согласился Алексей Викторович. – С чем мы будем этот первый так называемый момент обобщать?

– Естественно, с бандой эмира Везирхана Дашаева, – вступил в разговор капитан Валтузин.

– Хорошо, давайте назовем банду вторым основообразующим моментом. В самом деле, дом, в котором произошло заражение, принадлежал одному из членов банды; там же находились другие члены той же банды, и связь просматривается очевидная. Эти два первых момента, без сомнения, взаимосвязаны настолько, что не могут рассматриваться по отдельности. Но есть еще и третий момент, после анализа которого напрашиваются определенные выводы.

– Какой момент? – спросил Валтузин.

– Горное селение... – напомнил подполковник Гризадубов.

– Так точно, Алексей Викторович, – сказал подполковник Оздемиров. – Горное селение, отдаленный от всех объект, в который некому было занести вирус, вдруг оказался пораженным полностью, если не считать одной женщины, которая каким-то образом устояла против болезни. И там тоже, как уже было сказано, два смертельных случая. Но эти случаи наступили до подхода врачей. Больным просто некому было оказать помощь. Но дело не в смертельных случаях. Дело в том, что вирус там был и есть, вирус есть у банды Везирхана. Следовательно, протягивается пока тонкая, едва заметная нить. Теперь идем дальше. Это горное селение кто-то заснял на видеокамеру и показал в Интернете. Значит, ждали результат и подготовили съемку. Кадры были выставлены в сеть какого-то новостного сайта из-за границы. То есть у нас есть основания предполагать, что и сам вирус пришел к нам не с разбазаренных воен-

ных складов бактериологического оружия советских времен, а из-за границы. И связующим звеном при этом был именно Везирхан Дашаев. То есть, когда просматриваешь возможную связь, налицо спланированная акция международной террористической организации... Но это, как я полагаю, только одна из версий происшествия. На месте вам будет проще разобраться.

– Есть четвертый момент, – сказал капитан Валтузин. – Вы бы, товарищ подполковник, обратили, конечно, на него внимание, если бы вплотную, как я и мои товарищи, занимались эмиром Везирханом Дашаевым. Вы о нем что знаете?

– Бандит, террорист, давно уже находится в розыске... Любимая его мишень – сотрудники правоохранительных органов. Не любит он их... – сказал Оздемиров с усмешкой, почти одобрительной.

– А кто их любит? – с усмешкой же заметил Гризадубов. – Если судить по одному этому признаку, то эмир Везирхан Дашаев является первым и лучшим представителем нашего многонационального населения...

– Обижаете сотрудников Министерства внутренних дел, а вам с ними работать, – капитан Валтузин показал, что тоже умеет усмехаться. – Но я не о том речь веду. Я о биографии Дашаева...

– Спортсмен, занимался вольной борьбой, потом промышлял рэкетом, потом ушел в леса, стал бандитом...

– Семейное положение... – гнул капитан свою линию.

– Не в курсе, – признался Оздемиров.

– А в данном контексте это очень важно, – Валтузин выдержал паузу. – Имеет жену, двоих детей – старшего мальчика и девочку двумя годами младше. Но главное, чем занимается его жена... Тоже не в курсе?

– Также не в курсе.

– Она владелица целой сети больших аптек, разбросанных по разным городам Северного Кавказа. По разным республикам и даже российским городам, не слишком удаленным...

– Сеть аптек? – Подполковник Оздемиров даже привстал, но тут же сел. – И это значит, что ампулы могут иметь конкретный адрес происхождения?

– Едва ли, – не согласился капитан. – Но вот конкретный адрес распространения они могут иметь. Вирус могут подмешивать в другие лекарства и продавать во многих городах...

– А что, интересная версия, – сказал подполковник Гризадубов. – Здесь есть над чем голову поломать...

– И что поискать. Это главное, – сосредоточенно сказал подполковник ФСБ. – Спасибо за информацию.

– Официально Везирхан Дашаев не поддерживает с женой никаких связей, – продолжил капитан. – Так сама Кали Дашаева говорит. Тем не менее, все подобные предприятия или, как они себя зовут, сети, имеют определенную «крышу», платят процент с выручки. Она никому не платит. Простые бытовые бандиты, согласно нашим данным, однажды пытались на нее «наехать». Вопрос решился в течение суток. Четыре трупа... Один из них майор милиции, который вместе с бандитами работал. Разборка молниеносная, и имела, насколько мне известно, резонанс. Больше к Кали никто не совался. Данных, что разборку провел Везирхан, нет, хотя версия у милиции была именно такая. Есть только предположения. И еще логические заключения...

– Это нам работа. И немалая, – решил подполковник Оздемиров.

В кабинет, предварительно только один раз стукнув в дверь, вошел капитан Джабраилов.

– Ваша группа, товарищ подполковник, выехала. Через десять минут будет здесь.

– Мне еще за вещами съездить нужно, – Валтузин вспомнил вдруг, что ему выступать вместе со спецназом ГРУ.

– Заедем по пути... – сказал Алексей Викторович.

– Я могу на своей машине свозить, – предложил Гойтемир. – Чтобы грузовик через центр города не гонять...

– Свози, – согласился Оздемир Оздемирович. – Я пока обеспечу Алексея Викторовича картами и связью... Выделю две трубки спутникового телефона с закрытым каналом связи. Закрытый канал только при разговорах со мной по номеру, который я назову, или по другому, который включают в список. Все остальные каналы открыты и могут быть прослушаны. Техника хорошая, надежная. Прислали из Москвы специально для вас. Выделяю с категоричным условием возврата. Они у меня на балансе. И спрашивать потом будут с меня.

– Я с некоторых пор трубками не питаюсь, – согласился подполковник спецназа. – Верну обязательно... Сразу скажите номера, чтобы мы могли друг с другом общаться.

Оздемиров продиктовал, читая с листка. Трубки были новые и с полностью заряженными аккумуляторами. В полевых условиях неизвестно, когда удастся подзарядить аккумуляторы, но зарядные устройства к трубкам подполковник тоже все-таки взял.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

– Здесь, пожалуй... Дальше пешком.

В кабине грузовика было темно, потолочная лампочка не горела, но ее и включать не стоило, чтобы не выдавать себя какому-то далекому возможному наблюдателю. Положив на колени карту, подполковник Гризадубов подсвечивал себе фонариком и искал лучшее место для высадки, хотя понимал, что карта подскажет слишком мало, потому что по периметру ходят передвижные посты, и невозможно заранее сказать, в какое время и где будет находиться какой пост.

– Можно перед следующим поворотом. Я это место знаю, – сказал капитан Валтузин. – Дальше километров пять придется пешим ходом топать.

– Поверим Юрию Михайловичу, – согласился подполковник. – Давай-ка, подбрось до следующего поворота...

Сержант-водитель из мотострелкового батальона, что начал уже притормаживать, снова нажал на педаль акселератора, и машина поползла дальше, без натуги одолевая подъем. Но до следующего поворота было совсем недалеко.

– Здесь! – сказал Валтузин. – Как раз и километровый столб. Считаем... От надписи «Проезд запрещен» два километра семьсот метров, до КПП на дороге, следовательно, два километра триста метров. Почти середина. Удобная позиция, когда тебя никто не видит...

Выгрузка много времени не заняла. Девять офицеров вместе с оружием и рюкзаками выпрыгнули один за другим.

– Спасибо, сержант. Разворачивайся, и – в часть.

Старшие офицеры редко благодарят солдат за выполненный приказ. Сержант расплылся в довольной улыбке и сразу начал разворот на не слишком широкой горной дороге. Спецназовцы проводили машину взглядами.

– Я покажу, как пройти к периметру, – сказал Валтузин. – А там уже смотреть будем. За три дня карантина там должны, я думаю, и тропу протоптать, и дорогу накатать. Надеюсь, колючую проволоку не выставили...

Двинулись с места так стремительно, что капитан Валтузин, первоначально показывающий дорогу, очень быстро оказался замыкающим. Он к таким резким передвижениям групп не привык. Валтузин уже встречался со спецназом ГРУ в нескольких операциях, и в совместном марш-броске приходилось принимать участие, но там были солдаты, а здесь только офицерская группа, имеющая повышенную подготовку во всех боевых дисциплинах, и, чтобы пристроиться к манере передвижения ОМОГ, капитану спецназа внутренних войск пришлось самому перестраиваться. Для начала хотя бы мысленно. Но здоровья у гиганта хватало, и он быстро вошел в ритм. Хватило бы вот выносливости, но об этом можно будет говорить позже, и говорить, видимо, придется, как думал сам Юрий Михайлович. Имея опыт в подобных вопросах, он понимал, что нести сто шестнадцать килограммов собственного веса – это тоже непростая задача. Каждый из спецназовцев ГРУ легче его на тридцать-сорок килограммов и несравненно суше. Такие люди обычно усталости не знают. У спецназа внутренних войск система подготовки другая, потому что различаются задачи, которые ставятся перед разными видами спецназа. Никогда спецназ ГРУ не сможет проломить строй противника так, как это может спецназ внутренних войск, никогда спецназ ГРУ не сможет без применения оружия разогнать митинг или демонстрацию, разбушевавшуюся выше предельного уровня. Но никогда спецназ внутренних войск не сможет, оставаясь не обнаруженным, стремительно пройти по тылам противника,

снимая часовых и не оставляя следов, собрать необходимые данные и вернуться, чтобы доложить эти данные командованию. Для каждого вида функциональности спецназа существует собственная система подготовки. И потому нельзя говорить, что кто-то лучше, кто-то хуже. А быть универсально подготовленным – это значит, что в каких-то определенных дисциплинах уровень подготовки будет обязательно снижен. Это понимал и сам Валтузин, это понимал и подполковник Гризадубов, и потому взаимных претензий они друг к другу не имели. Но хотя бы на время перехода периметра придется «краповому» капитану терпеть, и через себя перешагивать, и подстраиваться под стиль работы военных разведчиков. А капитан Валтузин не зря носил краповый берет и готов был доказать, что на него можно положиться, несмотря на недавно перенесенную тяжелую болезнь.

* * *

– Машина сзади... – сказал капитан Валтузин.

Обернулись все. Звук двигателя едва-едва доносился, приглушаемый направлением звуковой волны, уводящей его в сторону. Потом на какое-то мгновение в ночной темноте показались фары, но быстро исчезли, хотя звук продолжал приближаться. Потом опять стали видны фары.

– Грузовик... – сказал подполковник Гризадубов.

Машина остановилась там же, где полчаса назад была высажена группа спецназовцев.

– Не за нами ли транспорт вернулся? Может, какие-то изменения в ситуации? – предположил майор Макаров.

– Позвонили бы... Связь есть...

Гризадубов пытался в бинокль рассмотреть, что происходит на дороге и почему машина остановилась там, где проходила высадка. Бинокль помог заметить только то, что свет фар несколько раз перекрывался, – это перед машиной проходили люди. Но кто это мог быть, оставалось непонятным.

– Луговкин! – позвал подполковник. – Удовлетвори любопытство...

Снайпер группы старший лейтенант Луговкин молча снял чехол с тепловизионного прицела своей винтовки. Казалось, офицер все делает вальяжно и неторопливо. Но Алексей Викторович хорошо знал, что привычная обстоятельность снайпера всегда выверена и порой бывает более быстрой, чем чья-то неумелая суета.

Приклад винтовки уперся снайперу в плечо, свободный глаз прищурился.

– «КамАЗ» стоит, тентированный... Высадил группу... В бронежилетах, в «разгрузках», вооружены пистолет-пулеметами «ПП-2000»⁴, многие с глушителями... Похоже, желают двинуться по нашему маршруту.

– Преследование? – спросил Валтузин. – С какой стати?

– Нет, – не согласился старший лейтенант. – Если бы было преследование, они уже выступили бы. Или хоть какие-то следы наши искали бы. Но они хотят идти своим маршрутом...

– Вторая группа проникновения... – сказал Гризадубов. – Очень интересно... И с какой целью, коллеги? Ладно, разберемся потом. Это не наши?

– Нет, на наших не похожи... Черный камуфляж... Шапочки... Это не шапочки, это маски «Ночь»... Мне сдается, это вообще не армия. И не МВД. И не ФСБ. Ни одного погона... Водитель на машине гражданский...

– Численный состав?

⁴ Пистолет-пулемет «ПП-2000», разработан российскими оружейниками в качестве служебного оружия для милиции и внутренних войск, и для частей спецназа. По мнению бойцов спецназа, является на сегодняшний день лучшим оружием среди аналогов.

- Я четырнадцать насчитал.
- Номер посмотри, – потребовал подполковник.
- Пару секунд... Перестрою прицел... Так... Машина гражданская... Номер...

Старший лейтенант Луговкин продиктовал номер. Алексей Викторович повторил и «записал» его в памяти.

– Не забыть бы передать Оздемирову. Пусть проверит...

– Может, сразу позвонить? – спросил Валтузин, которому не терпелось опробовать спутниковую трубку.

– Позвони...

Капитан с трубкой в руках отошел на пару шагов в сторону, где под прикрытием скалы можно было включить фонарик и рассмотреть новую трубку, с которой он еще и познакомится толком не успел. Получив две трубки от подполковника ФСБ, Гризадубов сначала хотел обе оставить у себя в группе, потом справедливо решил, что для связи внутри группы хватит штатных коротковолновых радиостанций малого радиуса действия, называемых обычно «подснежниками». И передал вторую трубку капитану «краповых».

Разговор велся негромко, потому что неизвестно было, кто еще может находиться в ночной темноте неподалеку от периметра, усиленно охраняемого внутренними войсками, искать контакта с которыми спецназовец внутренних войск не пожелал, несмотря на один цвет погон. Внутренние войска в этом месте осуществляют охрану, то есть выполняют категоричный приказ, и не пожелают, скорее всего, договариваться ни с кем, если только другого приказа не поступит. Поступления другого приказа намеревалась добиться ФСБ, но для этого требовалось время. А раз добиваться не стали, то лучше вообще избегать всякого контакта.

– Подполковник проверит, – сказал «краповый» капитан, возвращаясь к общей группе.

– Как трубка? – поинтересовался Алексей Викторович.

– Работает, – дал Валтузин исчерпывающую характеристику сложному прибору.

– Тогда пойдем. Ждать никого не будем. Если этим нужно, они догонят... – последовал кивок в сторону дороги. – Вперед пока идти можно. Скоро придется ползти...

Капитану Валтузину казалась слегка странной манера подполковника Гризадубова отдавать команды. Он привык, чтобы команда отдавалась громким голосом, четко, чуть не с грозным рыком. Здесь, в группе военных разведчиков, любая команда казалась слегка шутиливой, что, по мнению Валтузина, было недопустимым. Но, как ни странно, и эти команды срабатывали не хуже, чем громкие и четкие. Марш снова начался резко и продолжился в высоком темпе. Но теперь уже сам «краповый» капитан среагировал вовремя и сразу включился в ритм.

Периметр, который следовало пройти, на карте был обозначен карандашом, но на местности он не был обозначен вовсе. Однако откуда-то со стороны, объезжая неглубокий овраг с ельником, двигалась машина. Судя по звуку двигателя, «уазик». Хотелось верить, что «уазик» не только самостоятельно патрулирует периметр, но и пешие посты проверяет. И передвижные, которые, впрочем, опасности не представляют, потому что их вычислить можно без проблем, и стационарные, напоминающие собой засаду. Вот на такой пост напороться не хотелось бы, потому что вовсе не обязательно все часовые на стационарном посту спят. И пусть здесь не зона боевых действий, пусть охрана смотрит не в сторону севера, поскольку трудно предположить, что кто-то пожелает войти в опасную зону, а в сторону юга, чтобы никто зараженный не прорвался оттуда. Но солдат должны были основательно настропалить, чтобы осуществляли охрану не так, как охраняют продовольственные склады. Однако, если «уазик» такие посты объезжает, проверяя солдат на сонливость, то он же их и демаскирует для наблюдателя со стороны.

Впрочем, существовал еще один способ обнаружения «стационаров». Тепловизору в прицеле снайпера не составят преграды никакие маскировочные укрытия и листва деревьев и кустов. Человеческие тела не только согревают атмосферу вокруг себя. Они еще и светятся

своим теплом, когда на них смотрят через инфракрасный оптический прибор. И военные разведчики это хорошо знали. Но машину все же стоило подождать и пропустить, чтобы не попасть в свет ее фар.

Группа залегла на самом окончании склона в ожидании, когда машина проедет. Но машина остановилась как раз в том месте, которое подполковник Гризадубов присмотрел для продвижения группы в зону.

– Луговкин! За работу...

Снайпер снова снял с прицела чехол и, припав к окуляру, посмотрел сначала на машину, потом «прогулялся» стволом вправо и влево один раз, второй и третий.

– Постов, товарищ подполковник, нет. Ни стационара, ни передвижного... Если кто-то спрятался, то только среди камней. Россыпи камней по обе стороны от машины...

– Дыхание над камнями не «светит»? – Командир показал, что тоже умеет с тепловизором работать и даже привычную терминологию знает.

– Они могут быть по другую сторону склона. Контролируют не нашу сторону, а только зону карантина. Не позволяют никому выйти...

– А что тогда эти встали? Водку пьют?

– Никак нет. Ждут кого-то. В нашу сторону смотрят. И вообще, товарищ подполковник...

– Что?

– Бывают автомобильные патрули в составе двух полковников и одного подполковника?

Подполковник за рулем, два полковника с ним...

– Интересно... – Алексей Викторович посмотрел себе за спину, на уже пройденный маршрут.

– А там у нас что?

Снайпер повернул ствол в обратную сторону. Смотрел недолго.

– Идут нашим маршрутом. Не так быстро, но идут...

– Их встречают... Понятно. Не будем терять время, обходим справа, поскольку наше дело правое. Дистанция от «уазика» метров в двадцать... Вперед...

Капитан Валтузин даже слегка растерялся от такого приказа подполковника Гризадубова. Обходить пост в такой непосредственной близости предельно опасно.

– Заметят, тревогу поднимут... – попытался он выразить сомнения.

– Если бы не ты, мы бы под колесами машины проползли, и без звука... И никто бы не заметил... А с тобой я дистанцию выбрал. Дальше нельзя... Дальше может быть стационарный пост. Там камни, тепловизор не видит... Двигайся, кстати, рядом со мной. Если что, не обижайся, когда старший по званию тебя по загревку огреет, чтобы вел себя как положено, если уж пошел вместе с военной разведкой. Спасибо за это сказать не возбраняется, но только после того, как пройдем в зону. В дороге не разговаривать... Вперед...

* * *

Ночь была по-осеннему пасмурной, хотя на юге осень приходит обычно позже, чем в средней полосе России, и пока говорила о времени года только увеличением туч. И хорошо было, что трава, деревья и кусты еще были зелеными, не скрипели и не шуршали под тяжестью человеческих ног и не выдавали передвижения группы. Пока позволяла обстановка, передвигались бегом и пригнувшись, потом вообще двинулись «гусиным шагом», что особенно трудно давалось капитану Валтузину, имевшему мало практики в таком способе передвижения. Но он терпел и шел, считая, что сможет вынести все, что выносят спецназовцы ГРУ. Только на одном характере шел, когда нижняя часть бедер уже стала ватной, плохо слушалась и грозила свести мышцы судорогой. Но вовремя была отдана беззвучная команда, и военные разведчики один за другим улеглись на землю, чтобы дальше передвигаться ползком. Вообще-то сам капитан

Валтузин в этой ситуации запускал бы бойцов или по одному, или парами, и следующую пару выводил бы только после того, как первая проходила бы маршрут. В случае обнаружения ползущего со стороны его проще было бы прикрыть и дать возможность соединиться с группой, не прибегая к таким крайним мерам, как уничтожение моторизованного патруля внутренних войск. Все-таки свои... Тем более старшие офицеры. Здесь же военные разведчики двинулись все сразу, один за другим. Видимо, они привыкли работать иначе, чем это принято во внутренних войсках, и «краповый» капитан представлял себе, как все может выглядеть в случае обнаружения ползущих патрулем. Видимо, несколько человек в этом случае должны огнем прижать патрульных к земле, а остальные за секунды сократить дистанцию и перевести его в фазу рукопашного боя, в котором просто избыток полковников и подполковника до неменяемого состояния. Поскольку Валтузин носил точно такие же погоны, ему такие методы пришлось бы явно не по душе – корпоративная солидарность тоже дело серьезное...

Но все прошло благополучно. Патруль у машины не отреагировал на продвижение группы военных разведчиков. Те ползли действительно совершенно беззвучно; сам капитан Валтузин, находясь рядом, больше слышал собственное дыхание, чем военных разведчиков, и очень старался преодолеть дистанцию не хуже их. Это получалось, хотя скорость ползания у него была такая, что подполковник Гризадубов вынужден был остановиться, перевалиться на спину и демонстративно полюбоваться небом, поджидая «крапового» капитана. Тем не менее, все прошло благополучно. Ползком вышли на безопасную дистанцию, где снова перешли на «гусиный шаг» – к счастью, ненадолго, – а потом на перебежки пригнувшись.

Подполковник Гризадубов отдал какую-то команду через «подснежник». Валтузин видел, как он прижимал ко рту гибкий поводок миниатюрного микрофона. Группа двинулась дальше, а сам Алексей Викторович вместе со снайпером остановился. Остановился было и Валтузин, но Гризадубов подтолкнул его в плечо:

– Вперед! Старший в группе майор Макаров...

– А вы?

– Хочу посмотреть, как наши последователи проходить будут. Манера перехода – характеристика... Иди. Потом расскажу...

* * *

Подполковнику Гризадубову очень хотелось бы самому посмотреть в тепловизорный прицел. Но старший лейтенант Луговкин очень дорожил своей винтовкой, пылинки с нее сдувал и никому в группе не позволял прикасаться к оружию. Винтовка была английского производства, стоила пару приличных иностранных внедорожников, да в дополнение сам прицел стоил хорошей машины. И причины беспокойства снайпера были понятны. Но имелись и другие причины, о которых в открытую не говорили, хотя это подразумевалось. У всех снайперов есть собственные приметы и поверья, и старший лейтенант Луговкин однажды обмолвился, что ему нельзя давать винтовку в чужие руки, иначе он сам потом будет стрелять на уровне того, кто винтовку брал. То есть потеряет свой профессионализм. И вообще, любая снайперская винтовка очень быстро привыкает к своему хозяину, а после пребывания в чужих руках капризничает. Она, считал снайпер, живое существо, и ведет себя, как верная собака. Но эту верность следует заслужить. А передача в другие руки будет считаться предательством.

Подполковник Гризадубов не знал, верить или не верить в такие утверждения, но больше склонялся к тому, чтобы верить, и никогда не просил в свои руки чужое оружие, только однажды услышав, как Луговкин отказал другому снайперу, пожелавшему попробовать английскую винтовку, чтобы сравнить ее со своей.

Посмотреть за происходящим в прицел с тепловизором очень хотелось, но приходилось удовлетворяться тем, что рассказывал старший лейтенант. А его рассказ прослушивался одно-

временно всей группой, потому что свои «подснежники» все держали включенными в режиме конференции, когда связь внутри группы была общей и доступной для всех. Таким образом, вне знания событий оставался только «краповый» капитан Валтузин, которого при понимании ситуации такая дискриминация, наверное, обидела бы, но он возможностей «подснежника» не знал и потому не обижался.

2

– А они не стесняются, как мы стеснялись, товарищ подполковник... – Старший лейтенант говорил, не отрываясь от прицела, отчего его речь была бы похожей на звучащую из-под мышки, если бы не «подснежник», который все нивелировал. – В полный рост идут, и вразвалочку...

– Понятно. Ты же сразу решил, что полковники кого-то встречают...

– Вообще-то так решили вы, но я не возразил... – проявил снайпер соответствующую званию скромность. – Значит, они договорились заранее. Или ФСБ нас не хотела сегодня пустить, потому что сегодня запускали другую группу...

– Думаю, ФСБ здесь ни при чем. ФСБ просто не успевала относительно нас договориться, потому и пошли в «автономке». Но кто-то договориться смог... А скажи мне, Сережа, или еще кто-то, кто помнит, пусть скажет... В аналогичных ситуациях, когда мы в такие попадали и относительно нас договаривались... нас кто-нибудь из начальства встречал? Или все же без начальства и приветственных речей обходились? Если пост отсюда сняли, а здесь ему самое место, то уже ясно, что здесь будет что-то происходить. Неужели сложнее было просто отдать посту приказ пропустить кого-то?

– Я вообще уже давно голову ломаю, что здесь делать сразу двум полковникам и одному подполковнику, – заметил снайпер. – Ответ в голову только один приходит – в группе идет кто-то из большого начальства. Я бы даже предположил, что это президент республики из Москвы возвращается. Только не понимаю, почему не самолетом или машиной, и почему ночью, когда подстрелить могут...

– Кто-то из начальства не местного, а федерального, – издали подсказал через «подснежник» старший лейтенант Кошкин. – И чтобы никто не видел. Эффект выше...

– Кофе хочется, – тяжело вздохнул в микрофон майор Макаров. – Конечно, не растворимый, а нормальный, человеческий...

– Гурман... – отреагировал Луговкин с осуждением, хотя осуждать старшего по званию в открытом эфире и не совсем корректно. – Или не гурман? Или придумали что, товарищ майор?

– Нет, – ответил Макаров. – Я просто хотел бы на кофейной гуще погадать... Чтобы к вам присоединиться. Да что тут думать! Сейчас сами увидите. Подойдут эти, в черном, передадут полковникам пакет, полковники бабки пересчитают, немножко сунут подполковнику и уедут. А черные дальше двинут. Нормальные люди не носят черную униформу и маски «Ночь». А если идут через периметр оцепления, то не за деньги, а бегом на брюхе, как мы...

– Идут откровенно. Полковники переговариваются. Выходят шагов на десять навстречу. Подполковник из машины вылез. За ними увязался. Остановились, что-то сказали подполковнику. Тот в машину возвращается. Неохотно. Автомат берет. Похоже, изображает страховку... – Из снайпера, несмотря на то, что изображение он видел в инфракрасном режиме, получился бы неплохой спортивный комментатор. Мелочи он не пропускал, и умел делать анализ.

– Смешно было бы, если бы они подкрадывались к тем, кто их ждет, – заметил командир.

Как раз из-за туч вышла почти полная луна и осветила склон. Группа людей в черном уже спустилась с него и вошла в траву высотой слегка выше колен. В этой траве шел устойчивый след – там ползли военные разведчики. Не заметить этот след было сложно.

– Луговкин! Присмотрись внимательно, на наш след они внимание обращают?

– Я сам ждал момента. Они уже пересекли его. Никто даже не наклонился, чтобы понюхать, следопыты хреновы... Ничего не видят. Насчет того, что слышат, я сказать не могу, поскольку в их группу еще не стрелял.

– Лучше, конечно, чтобы стрелять и не пришлось, но на все воля сверху... – рассудил подполковник. – Но это явно не спецназ. Спецназ след без внимания не оставил бы.

– Они ходят, как бывшие борцы. Здоровья много, ума мало... Не спецназ.

Луна опять зашла за стремительно набежавшую тучу, и Гризадубову не стало ничего видно даже в бинокль. И комментатор замолчал.

– Когда встретятся?

– Сходятся. Да... Встретились... Здороваются за руку, приветливо – со стороны полковников, со стороны черных – только по-деловому. Черные даже не остановились, идут к машине. Полковники семенят за ними. Спрашивают что-то... Смешно. Их, похоже, ни во что не ставят. Так, остановились... Оп-па... Вот и весь фокус... Все. Без разговоров – расплатились...

– Что там такое? – спросил Алексей Викторович. – Звук непонятный...

– Пистолет-пулеметы с глушителем. Расстреляли полковников!

– Я чего-то похожего ждал, – сказал майор Макаров. – Что будем делать, командир?

– Идут в нашу сторону, – предупредил старший лейтенант Луговкин. – Могу начать отстрел с задних. Три человека отстали, не умеют быстро ходить, тяжелее нашего «крапового» капитана будут. Животами крепки...

– Отстреляй... Остальным – выходите за периметр. Принимаете вправо, пропускаете преследование. Мы вас догоним, потом и будем догонять...

Наушники «подснежников» донесли три следующих один за другим коротких негромких звука. Если бы не наушники, в группе выстрелов не услышали бы.

– Бронежилеты у них явно «паленые», – заметил Луговкин. – Я простой пулей стрелял, не бронебойной... Легко взял. Остальные уже близко... Стоп, хватились своих... Два человека вернулись. Подозвали старшего. Вот так... Своего добили. Убитых обыскивают. Что-то забрали из карманов. Видимо, документы... Забрали их рюкзаки. Рюкзаки тяжелые... Чувствуют себя, кажется, так, словно все происшествие входило в их планы. Что-то с убитыми делают... Непонятно... Кажется, сжечь хотят. Чем-то поливают из бутылки. И, кажется, поливают именно лица...

– И не прячутся от снайпера? Что это за сброд? – не понял подполковник странного поведения людей в черном. – Сережа, накажи еще, сколько сможешь...

Один за другим прозвучали два едва слышимых выстрела.

– Реакция у мужиков хреновая, – констатировал снайпер. – Только теперь залегли... Отползают в сторону. Вижу только чей-то мускулистый зад над травой. Такой зад всегда пули просит...

– Накажи...

Еще один выстрел.

– Больше пока никого не вижу. Если бы через траву... А здесь камни мешают. Мне хотя бы одного покажите, чтоб состав ровно уполовинить...

– Отходим в сторону. Понаблюдаем...

– Командир, нам навстречу идет, судя по звуку, боевая машина пехоты, – сообщил майор Макаров с другой стороны периметра. – Пока только звук слышим, саму машину не видно...

– Вы от периметра далеко ушли?

– Два с половиной – три километра. Скорее, ближе к трем. В холмах трудно сориентироваться правильно...

– Возможно, внутривойсковики контролируют не только внешний периметр, но и внутренний, хотя для контроля далековато. Не будет визуального контакта между цепями. Отойдите с направления движения. Уступите дорогу...

– Уже нет необходимости отходить. Машина остановилась, так и не показавшись. Вот... Наш «краповый» капитан подсказывает, что на территории республики на вооружении внутренних войск стоят только бронетранспортеры. Попробую предположить, что БМП вышла встречать людей в черном... Согласно договоренности, осталась ждать вне зоны досягаемости постов из-за периметра.

– Допускаю. Хотя периметр контролируют внутренние войска не с территории республики. Их подогнали, насколько я знаю, из глубины России, они могли и внутренний периметр взять себе. А черных я пропускаю. Сережа, больше не стрелять! Пусть их... живут... Пока...

– Почему? – не понял снайпер. – Это же, товарищ подполковник, убийцы...

– Убийцы бывают необходимы для следствия. Слышал когда-нибудь про такое? Я могу предположить, что они идут с какими-то аналогичными нашим планами. Лучше отследить их...

– Как их отследишь, если они сейчас на БМП сядут и маханут незнамо куда! – возразил майор Макаров. – Загибашь, командир...

– А ты что, Александр Прокопьевич, собрался просто так БМП отпустить? Не расслабляться! Я думал, ты уже отправился на ликвидацию... Возьми с собой Валтузина, посмотри, что за парень, в действии... Если там солдаты, действуйте аккуратно, чтобы трупов не оставить. Солдат послали, они не виноваты. А БМП отогнать в сторону и вывести из строя. Кого-то, кстати, и допросить не грех...

– Понял, командир, отработаю...

– Сережа, уходим в сторону. Эти дураки абсолютно неграмотны, они не знают, куда ползти. Куда-то все равно поползут. Могут и к нам на пироги... Не хочу с ними встречаться раньше времени. Их побережь следует. Уходим...

– Иду. Секунду, гильзы подберу...

Оставлять нестандартные гильзы на месте – значит давать кому-то возможность искать винтовку с соответствующими патронами. В неизвестной ситуации лучше никакого следа не оставлять. Правда, остались еще и пули в телах убитых. Но эти пули достанутся судебно-медицинским экспертам, а это уже совсем другое дело...

* * *

Майор Макаров сбросил с плеч рюкзак, показал старшему лейтенанту Кошкину на свой груз, чтобы не бросил в случае чего, знаком позвал с собой капитана Валтузина и ему тоже показал на рюкзак. Капитан освободился от груза.

Рядом с великаном капитаном физически крепкий, хотя и не слишком высокий майор Макаров казался ущербным человеком. Но, естественно, не себе самому. Макаров побежал быстро. Валтузин от него старался не отстать, и сначала это ему удавалось, потом дистанция стала увеличиваться, несмотря на все старания капитана. Майору пришлось притормозить. Но вывод он сделал: бег по пересеченной местности не самый любимый вид спорта «крапового» капитана. И это следует иметь в виду в дальнейшем.

Направление Макаров всегда чувствовал хорошо. Если он однажды что-то где-то услышал, то эта точка, как далеко она ни расположена, уже точно держалась в памяти, словно была магнитом, на который постоянно поворачивала стрелка спрятанного в голове компаса. И это не был приобретенный навык. Как-то так у Макарова получалось всегда, с самого детства. Можно было бы вокруг своей оси двадцать раз прокрутиться, и все равно направление не потерялось бы. И майор точно вел капитана, который только удивлялся.

Перепрыгнули через узкий, но, видимо, глубокий ручей, судя по обрывистым, в метр высотой берегам. Прошли кусты и остановились перед подъемом на невысокую сопку.

– Здесь, за сопкой стоят, – прошептал Макаров.

– По-моему, чуть дальше... Дальше старая дорога проходит. Они, мне кажется, на дороге остановились.

– Это тебе, капитан, так кажется. Как действовать будем? Предложения есть?

– Исходя из обстановки...

– Исходя из обстановки, а еще больше исходя из твоей комплекции, я бы предложил взять бревно покрепче и пару раз стукнуть по башне. Гул по машине пойдет, сразу вылетят наружу!

– Предлагаешь попробовать? – усмехнулся Валтузин.

– Я бы предложил. Но где я для тебя бревно найду? Здесь нужна сосна из корабельной роши – меньше не поможет.

– Тогда говори, какие мысли?

– Предложений, значит, нет... – констатировал Макаров. – Пойдем на сопку, оттуда посмотрим. Только пригибайся. Из машины кто-то может выйти и на сопку подняться, чтобы своих встретить. Если кого заметишь, падай носом в землю и жди. Я ползаю лучше, мне и ползти... Вперед!

Склон последней сопки, который им предстояло преодолеть, был неровным, местами крутым, местами совершенно пологим, и это давало возможность хорошо прятаться и просматривать пространство впереди и выше. Луна опять скрылась. И в темноте невозможно было обнаружить человека далеко впереди. Но, с другой стороны, плотные тучи помогали спецназовцам быть незаметным.

Капитану Валтузину очень хотелось отличиться и первым увидеть человека, если такой есть на вершине сопки. Тем не менее, человека он не увидел, но заметил жест – майор поднял руку с обращенной к нему ладонью. Традиционный знак во всех видах спецназа – замри и не шевелись... Капитан замер, а майор, совсем распластавшись по земле, почти растворился на ней, и уже через пару секунд, сколько Валтузин ни всматривался и сколько ни вслушивался, различить хоть какое-то движение, уловить хоть какой-то шорох, что помог бы определить местонахождение Макарова, не сумел. Оставалось ждать, что звуки донесутся сверху, с сопки, до вершины которой осталось около двенадцати метров. С такого расстояния даже звук сильного удара оказался бы слышимым.

Хождение в паре вторым номером было вовсе не в духе капитана Валтузина и несколько унижало его достоинство бойца. Но обида не возникала, потому что Юрий Михайлович умел давать здравую оценку происходящему и понимал, в чем он уступает спецназовцам ГРУ. Точно так же они уступали ему в другом, в том, что казалось необходимым в его службе. И дискриминации здесь никакой не было, хотя лишало «крапового» капитана многих мальчишеских иллюзий, вызванных размерами собственного тела и незаурядной физической силой.

Негромко и коротко прозвучало сверху:

– О!

Капитан понял, что его зовут. Конечно, можно было предположить, что это донесся из темноты звук удара. Но тогда после удара все равно должен был бы последовать какой-то зов, или же майор Макаров спускался бы не так скрытно, как взбирался к вершине сопки. Тем не менее, Валтузин поднимался, принимая необходимые меры предосторожности.

Макаров стал из-за кустов в полный рост.

– К сожалению, парень дураком оказался. Сильно сопротивлялся, и поговорить с ним не удалось, – сказал майор слишком громко для крадущихся людей.

– Машина внизу... – то ли спросил, то ли подсказал, требуя осторожности, Валтузин.

– На месте машина, что ей делается?

– Там...

– Там никого нет. Водитель один был... Я уже спускался, смотрел. Можем прокатиться. И посмеяться тоже можем... Это «БМП-3». Представляешь, у нас на вооружении еще наполовину «двойка» стоит. Не меняют, пока не износится. А неизвестно у кого – «БМП-3». А ведь их со складов не списывали... Новые, еще и краска не оцарапана...

Ноги водителя, неестественно загнутые, торчали из зарослей. Черная униформа, которую носят обычно охранники каких-то фирм или предприятий, сразу бросилась в глаза.

– Документы?

– Только паспорт. Я забрал...

– Вместе с водителем их было бы пятнадцать человек... – сразу сообразил Валтузин. – В «БМП-3» помещается...

– Двенадцать. Я уже подумал об этом. Но мы однажды двадцать два человека в такую банку загнали... Ничего, доехали! Если посмеяться над собой, то без обид будет... Ладно, двинули. Командир ждет... – Майор показал на микрофон «подснежника» и первым начал спуск.

Спуск был пологим и ровным, и оставалось удивляться, как БМП на вершину сопки не забралась. Угол подъема в тридцать градусов для нее, конечно, предельный, тем не менее, возможность такая была. Видимо, водитель местность не знал и потому решил не рисковать. Мало ли что могло впереди ждать.

Люки боевой машины пехоты были открыты. Даже задний сдвоенный люк для десантирования. Это, видимо, для того, чтобы прибывшая команда загружалась, не теряя времени. Все же охраняющие периметр внутривойсковики были рядом и могли связаться с находящимися внутри периметра другими внутривойсковиками. И потому люди в черном предпочитали торопиться. Пришлось лишние люки закрыть.

За управление сел майор Макаров, потрогал непривычный, похожий на мотоциклетный руль. «Краповый» капитан сразу занялся исследованием внутреннего вооружения.

– Машина без боекомплекта. Пушку можно вместо дубины использовать. Пулеметом вместо пальца грозить...

– Курсовые пулеметы⁵ заряжены... – сообщил Макаров. – Этого хватило бы, чтобы прорваться через любой заслон. А пушкой можно просто попугать...

Затрещала рация. Должно быть, механика-водителя вызвала группа прорыва.

– Валтузин! С рацией общаться умеешь? Как включить?

«Краповый» капитан нагнулся. С его ростом можно было устроить голову только в башне, и он этим пользовался, чтобы не сидеть согнувшись.

– Там приемное устройство отдельно подключается... Танковая рация...

– Понял. Знаком, кажется, с такой... – Майор нашел-таки, как включить приемное устройство.

– Владислав, чтоб тебе... Куда пропал? Владислав... – Кто-то настойчиво требовал водителя на связь. – Владислав! Встретил или нет? Мы ждать устали... Менты скоро проедут! Владислав... Вот скотина! Наверное, навстречу вышел... Не хватало ему на патруль нарваться...

Вот и была получена дополнительная информация. Капитан махнул рукой, требуя выключить рацию. Что майор сразу и сделал.

– Где-то неподалеку их еще группа ждет. Менты контролируют внутренний периметр на расстоянии пяти километров от внешнего. Значит, до них меньше километра... По крайней мере, не больше... Доложи подполковнику. Что скажет?

⁵ Место механика-водителя оснащено двумя автономными курсовыми пулеметами ПКТ, которые при постановке в стопор по-походному могут использоваться механиком-водителем, или, без постановки в стопор, десантниками, места которых расположены рядом с водителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.